

Олег Симонов

ТРОЗОВЫЕ РАСКАТЫ

Повесть Книга первая

Вольный
Странник

Пашка
и его друзья

Олег СИМОНОВ

Грозовые раскаты. Повесть

«Вольный странник»

Симонов О. Ю.

Грозные раскаты. Повесть / О. Ю. Симонов — «Вольный странник»,

ISBN 978-5-00178-089-2

1930-е годы. Пашка приезжает в Москву вместе с мамой, которая в родной Рязани едва избежала ареста по делу «церковников». Подружившись в местном храме с такими же, как он, верующими мальчишками, Пашка переживает много приключений, разочарований, проходит множество испытаний. Происходит в его душе и кризис веры... Сможет ли Пашка остаться верным Истине во враждебной среде воинствующего атеизма?

ISBN 978-5-00178-089-2

© Симонов О. Ю.
© Вольный странник

Содержание

Часть 1. Шары	6
Часть 2. Лето «у Академии»	37
Взгляд назад	37
Доброе житие	43
Полёт «Горького»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Олег Юрьевич Симонов
Пашка и его друзья. Повесть в 2 книгах
Грозовые раскаты. Книга 1

Олег Симонов

Пашка и его друзья

ГРОЗОВЫЕ
РАСКАТЫ

Повесть

Книга первая

Художник Олег Зубарев

© Симонов О. Ю., 2021

© Зубарев О.И., иллюстрации, 2021

© Оформление. ООО «Вольный Странник», 2021

Часть 1. Шары

Пашка сидел посреди комнаты на узле с вещами. Мама Нина Петровна вышла в сени и разговаривала с хозяйкой, своей двоюродной сестрой, – Пашка слышал их голоса из-за двери. Слов было не разобрать, но тон разговора угадывался. Пашка знал, что мама нервничала перед этой встречей: как-то примет их тётя Таня в свой дом, удобно ли будет хозяйствовать в одной, хотя и большой, избе, и в итоге – не придётся ли, не успев добраться до столицы, искать новый угол для жилья. Почему так могло случиться, Пашка не понимал – ведь тётя Таня сама позвала маму к себе. Муж тёти Тани, непутёвый запойный плотник дядя Мартын, год назад пропал без вести, не вернувшись с заработков, и тётя Таня с тех пор не раз – чуть не в каждом письме – приглашала родню пожить у себя: вместе всё веселее. Когда вопрос с переездом встал ребром, тётя Таня не поленилась подыскать для мамы работу, и эти поиски, к маминому удивлению, быстро увенчались успехом: в сельскохозяйственной академии недавно завели небольшое стадо породистых швейцарских коров, и требовались крестьянские руки для ухода за «иностранцами». Так что беспокоиться о своём будущем Нине Петровне, по мнению Пашки, не стоило. Но он знал свою маму: пока не обживётся в доме, пока не вникнет в каждую мелочь по хозяйству, а главное, пока не сойдётся поближе с тётей Таней – всё будут «охи» на каждом шагу и сокрушение: «Что-то завтра будет?» Поэтому он нимало не удивлялся, что обычно певучий и сильный голос Нины Петровны звучал сейчас за стенкой неуверенно и даже как будто приглушенно. Хозяйка отвечала успокоительно и приветливо. «Мамка с ней поладит», – подумал Пашка и стал озираться по сторонам.

Новое жилище было очень маленьким, гораздо меньше их старого посадского дома. Приземистый потолок, маленькое окно с мутным стеклом, засиженным мухами, закопчённые стены, пара табуретов, лавка, лежанка в углу. Небольшая кирпичная печь (на хозяйской половине была огромная, русская) – вот, почитай, и всё убранство.

Пашка спрыгнул с узла и растянулся на лавке. Красота! После тряской подводы, после душного битком набитого поезда, даже после невиданного доселе трамвая как хорошо было растянуться на длинной деревянной доске, которая никуда не ехала, не подпрыгивала и не стучала на стыках рельсов...

Пашку разбудил встревоженный – он всегда был таким в последнее время – голос Нины Петровны: «Иди чайку попей – и в храм; нас Таня проводит». Хорошо хоть весь день не проспал! Он отправился на хозяйскую половину, прошёл в кухню, попил чаю с большой белой булкой (тётя Таня припасла для гостей) и выбежал во двор. Мама с хозяйкой ждали его у ворот. Путь до церкви оказался недалёким. Шли по узкой улице, застроенной по обеим сторонам одноэтажными домами. Некоторые были простыми, деревенскими, – из кругляка, с рядом маленьких окошек, выходящих на улицу и крошечный палисадник; с геранями в окнах и лохматыми котами на столбах ворот. Другие походили скорее на господские дореволюционные дачи – Пашка знал несколько таких в окрестностях Рязани: с высокими мезонинами и большими окнами, с просторными открытыми верандами и беседками в садиках.

Тётя Таня на ходу объясняла, что слободка их – вообще-то старинное дачное место. Здесь, за городом, ещё с середины прошлого века принялись строить летние дома господ средней руки: преуспевающие врачи, инженеры, адвокаты, аптекари – словом, обеспеченная публика, которая не желала уезжать далеко от столицы, так как была связана делами в городе. К рубежу столетий в слободке насчитывалось уже до сотни домов.

А в начале империалистической рядом с академией разместился летний военный лагерь, где формировались новые части для отправки на фронт. Командир одного из полков, по просьбе солдат, решил поставить неподалёку от лагеря лёгкую деревянную церковь. Полковник обратился за помощью к известному архитектору, имевшему дачу в поселке «у Акаде-

мии». Зодчему потребовалось несколько дней, чтобы составить простой, без излишеств («но добротный!» – по словам тёти Тани), проект. Дальше дело двигалось так же скоро: день-два – привезли стройматериалы, набрали рабочих, многие мастеровые с округи подрядились помочь Христа ради, бесплатно, – и за месяц поднялась церковь в северном русском стиле.

– Великая княгиня на освящение приезжала, – тихо сказала тётя Таня. – Понравился ей храм... Да что говорить, всем понравился, даже самому архитектору. Строгий был, не любил хвалиться, а тут: «Лучшая из моих построек» – сказал.

...Пока что виднелся только деревянный шатёр – он то показывался, то исчезал за деревьями и домами. Наконец вышли из-за угла на улицу, ведущую к храму. Увидели здание целиком. По рассказу тёти Тани Пашка ожидал чего-то большего, но церковь действительно оказалась красивой – изящной, но не вычурной. Высокий и тёмный шатёр вызывал в памяти картинки Билибина из русских сказок, книжку с которыми Пашка зачитал до дыр. Шатёр завершался маленьким куполом, покрытым осиновым лемехом. Над входом возвышалась тоже простая, без затей, звонница под небольшие колокольчики. Но колоколов на звоннице сейчас не было.

Встали у входа в церковь, мама хотела дождаться батюшку – благословиться на новое житьё-бытьё.

Вокруг храма собралось довольно много людей – видимо, к вечерней службе. Народ по виду был свой, как будто не городской. Несколько степенных мужиков с окладистыми бородами, бабы в больших ярких платках, две девочки-тихони в сарафанах. Вдоль забора разгу-

ливал большой пушистый кот, он не пугался людей и милостиво давал себя гладить. Сквозь пролом в заборе во двор заглядывала старая общипанная коза и задумчиво жевала травку.

Пашка, увидев такую привычную домашнюю картину, вдруг невольно почувствовал, как много нового вошло, даже ворвалось в его жизнь за один день. Другого, чуждого такому вот мирному укладу.

...Ехали сюда с вокзала на трамвае – «спасибо, добрые люди подсказали, а то совсем бы пропали в этой шальной столице», как выразилась Нина Петровна. От перрона дотащились с узлами до остановки и долго стояли, поджидая свой «номер тридцать четыре». Площадь оглушала непрерывным шумом: звонками и грохотом трамваев, криками, голосами, стуком каблучков о неровную брусчатку. Со всех сторон доносился шорох шин грузовиков и гудки легковых машин. Некоторые автомобили были совсем новенькими, они весело поблёскивали свежим лаком на майском солнце; Пашка устал крутить головой, провожая их взглядом. Даже забылась усталость – таким всё вокруг казалось интересным и новым.

Подкатил громыхающий трамвай с длинной «колбасой». Им повезло – площадка остановилась прямо напротив. Нина Петровна с недоумением воззрилась на запертые трамвайные двери.

– Эй, гражданка, – закричали сзади, – чего рот раззявила?

Кто-то открыл створку, и мама, подхватив Пашку под локоть, стала неловко карабкаться на подножку. Её подтолкнули, и вот – они внутри; Пашка сидит на коленях у матери и выглядывает из-за чьего-то портфеля в окошко. Вокруг – не продохнуть, со всех сторон теснят; кто-то кричит, что задавили ногу. «Эй, гражданин, да не напирайте вы, к лешему!»

Мимо мелькают дома, деревья, фонари, и повсюду – толпы, толпы людей. Красноармейцы, марширующие по железнодорожной площади, штатские с портфельчиками, бегущие по тротуарам к подъездам новых зданий, солидные товарищи в красивых чёрных кожанках, весёлые юноши и девушки в спортивных блузах, мальчишки и девчонки в красных галстуках: всё это куда-то движется, спешит, летит. Мама смотрит в окно, взгляд тревожен: одной рукой она прижимает Пашку, другой – узел с вещами. Трамвай грохочет и трясётся. Нина Петровна поминутно сверяется с бумажкой, в которой написано, где нужно пересаживаться на другой маршрут. Очередной перекрёсток, кто-то в конце вагона кричит: «Уже Площадь Дзержинского?» – его поправляют: «Кировская». Нина Петровна улавливает только первую реплику, остальное тонет в шуме и толкотне. «Неужели проглядели... Пашенька, нам выходить! Скорее!!!» – они пытаются пробиться к выходу, их не пускают, они всё-таки прорываются сквозь бока и спины и скатываются из трамвая на мостовую.

Ошибка обнаруживается, когда трамвай уже укатил, – до нужной пересадки ещё несколько остановок. «Рано вышли, жди теперь другого... Бестолковая баба», – сокрушается мама и пересчитывает монеты. Вот глупость-то, новые билеты придётся покупать, а денег и так в обрез.

На тротуаре толклось поменьше народу, чем у вокзала, но всё равно толпа порядочная. Пролетел слух, что давно не было какого-то «двадцать второго» – за три остановки отсюда образовался затор, и там скопилось несколько вагонов. Народ волновался, некоторые выбегали на мостовую, рискуя попасть под колёса проезжающих автомобилей, и высматривали, не показался ли долгожданный трамвай. Нет, что-то не видно.

Чуть схлынула толпа – те, кто торопился, отправились пешком. Остальные коротали время по-разному: кто-то глазел по сторонам, кто-то лузгал семечки, компания комсомольцев перекидывалась шуточками. Несколько молчаливых деревенских мужиков уселись на корточки у входа в подъезд обшарпанного двухэтажного особняка; их спутницы, женщины с такими же непроницаемыми крестьянскими лицами, стояли подле сложенных в кучу котомок и двух допотопных чемоданов.

– Сядь, – сказала Нина Петровна сыну и показала рукой на узел.

– Ма-ам... – Пашка потянул маму за рукав. – Ну, ма-ам...

– Что?

– Можно вон туда, – он показал рукой на перекрёсток, – быстро-быстро сбежать? Я дом интересный видел. Всё равно трамвая нет.

– Ты что!!! Потеряться проще простого. Даже не думай.

– Ты меня всё время будешь видеть, пока я бегу! Когда мы ещё сюда приедём?

Нина Петровна всем своим видом показала, что она не стремится приезжать на эту сумасшедшую улицу ещё раз.

– Ну, ма-ам...

– Гражданка, зря вы мальчика на привязи держите, – обратился к Нине Петровне лысый мужчина в кожанке с портфелем. – Большой совсем, не век же за мамкиной юбкой хорониться!

Нина Петровна смерила гражданина взглядом, хотела возразить, но... вместо этого махнула Пашке – одна нога здесь, другая там! Мало ли что тут за люди, в разговоры вступать нет охоты. Гражданин в кожанке, к счастью, отвязался («своих бы детей лучше воспитывал», – пробурчала еле слышно Нина Петровна), а Пашка радостно поскакал к перекрёстку. Вот сорванец, и не боязно ему по чужим улицам шастать.

Вернулся он действительно через минуту.

– Мам! Мам!! – Пашка запрыгал вокруг Нины Петровны.

– Не кричи – я слышу.

– Там ступеньки, на них дом с колоннами, сверху большая буква «М». Что это, а?

Нина Петровна не знала.

– Метрополитен, – отозвался всё тот же мужчина с портфелем (прилип всё-таки!). – Неужели не слышали? Ну, дела. Подземная железная дорога, на большой глубине. Станции – дворцы из мрамора.

– А как люди на глубину попадают? – не выдержал Пашка. И тут же получил от матери неласковое: «Молчи!»

– Ага, у молодого поколения-то – интерес к жизни! – обрадовался непрошенный экскурсовод. – Правильные вопросы задаёшь. Не отгораживаешься от прогресса, как некоторые. – Он осуждающе посмотрел на Нину Петровну. – Под землю пассажиров перевозят специальные движущиеся лестницы. А тех, кто приехал с других станций, такие же лестницы поднимают на поверхность. О как.

Нина Петровна ничего не ответила. Но словоохотливый гражданин с портфелем не унимался.

– Столицу не узнать теперь. Метро строят, улицы реконструируют, здания вон какие возводят. А заодно уничтожают анахронизмы, – показал он рукой в противоположную от метро сторону.

Через два дома от остановки, за временным дощатым забором возвышалась старинная колокольня, а справа от неё – небольшой одноглавый храм. Присмотревшись, Пашка увидел, что креста на церкви нет, кровельное железо на крыше местами ободрано, лепнина почти вся разбита.

– Последние деньки доживает, – внушительно добавил гражданин. – Приговорили, конец.

И действительно, вид у церкви был как у приговорённого: мрачно смотрели на свет разбитые стёкла окон, чернели в проёмах лишённые колоколов стропила, и даже закопчённые стены, казалось, потемнели больше, чем у соседних неказистых домов. Картину запустения довершал кивот над крыльцом – с мозаичной иконой, с грубо отбитым ликом.

Народ на остановке слегка зашевелился:

– Смотри-ка, на прошлой неделе кумполк над колокольней держался...

– Позавчера сбросили. И то – мог задавить кого-нибудь.

– Да её бульдозером надо, чего церемониться. Только вид портит.

– Ах ты, Господи, – перекрестилась Нина Петровна. – Храм Божий не пожалели, нехристи!

Рядом зашушукались, на Нину Петровну стали коситься с любопытством. Гражданин в кожанке усмехнулся:

– Так-так... Советскую власть критикуешь, значит? А, граждане, что скажете?!

Вокруг заволновались. Послышались голоса: «Темнота!», «Понаехали вшивые из деревни-матушки»... Высокий комсомолец в синей блузе и значком «КИМ» на груди, стоявший рядом, отошёл в сторону, будто чураясь неприятного соседства. Кто-то неуверенно пробовал вступить: «Да отстаньте от тётки, неграмотная она, без пропаганды-образования...» Другие весело обрывали: «Пусть в Рязань свою косопузую едет, там её образуют!» Деревенские мужики и бабы опасно молчали. Молодой голос из толпы задорно крикнул, что надо бы позвать какого-то «сотрудника», благо «это совсем недалеко».

Нина Петровна озиралась вокруг с ужасом: «Что делать, Пашенька? Загубят, загубят...» Пашка молча дёрнул маму за рукав: к остановке подходил трамвай «29».

– Мам, это наш?

– Какой там наш... Скорее отсюда, скорей! – Нина Петровна, запнувшись о камень брусчатки, выронила один из узелков, из которого посыпались сухари.

Пашка бросился подбирать. «Брось, Пань!» – мать схватила его за руку и потащила к дверям. Вскочили на подножку, еле запихнули внутрь узлы. Нина Петровна никак не могла успокоиться, тяжело и шумно дышала. Пашка прижался к ней.

...А сквозь тусклое стекло опять бежала навстречу столица. Неприятная улица закончилась, вынырнули на широченную площадь. С одной её стороны стоял ещё один дом с буквой «М», а в разных направлениях уходили улицы с новыми высокими зданиями. Звонок, остановка, звонок. Трамвай заскрежетал на стыке, свернул на широкий проезд и побежал вниз. Как будто в сказке вырос из-за поворота огромный дворец с колоннами: на высоте скакали по воздуху бронзовые кони, управляемые рукой возничего, перед дворцом раскинулась красивая площадь с фонтаном; вновь поворот, и – длинная узкая улица поползла вверх: звонки трамвая, переулки, магазины, дома, лошади, автомобили...

– Мам, куда едем-то? – Пашка легонько погладил Нину Петровну по руке.

– Что?.. Ах, Павлуша, нам же не в тот трамвай надо. – Нина Петровна вышла из оцепенения. – Люди добрые, подскажите ради Христа, нам в сельскохозяйственную академию. Как добраться бы?

Оказалось, к счастью, что трамвай движется в нужном направлении. Только не доходит нескольких остановок до академии. Мама немного успокоилась, хотя время от времени продолжала вздрагивать. Народу поубавилось, и они уселись на лавку.

Показался монастырь с высокой колокольней, здесь трамвай делал большой круг. На колокольне в вышине чернел крест. Нина Петровна перекрестилась и прошептала: «Не добрались ещё, ироды». Пашка со страхом обернулся, но народ не обращал на них никакого внимания.

Под крестом весь фасад колокольни был закрыт огромным плакатом: рабочий в фартуке бил тяжёлым молотом по наковальне. Из-под наковальни летели брызги и складывались в очертания тракторов и автомобилей. Под рабочим висели большие рельефные буквы: «Автодор».

В монастырские ворота входили служащие с портфелями и папками. Никто из них не крестился на тёмный образ, черневший в высоте над входом.

На другой стороне площади стоял небольшой памятник. Грустный человек склонил голову и задумчиво смотрел куда-то мимо звенящих трамваев, неповоротливых автобусов и бегущих бесконечным потоком людей.

– Мам, ма-а-ам, смотри, это Пушкин, Пушкин! – Пашка даже подпрыгнул на лавке от возбуждения.

Люди заулыбались.

– Ишь, малец, грамотный, – сказал старичок в круглых очках и соломенной шляпе. – «Руслана и Людмилу» знаешь?

Пашка кивнул. Старичок довольно хмыкнул и что-то пробормотал насчёт обманчивой внешности.

Трамвай заскрежетал, грустный Пушкин скрылся за поворотом. Опять потянулись старые дома, магазины, особняки. Кое-где заборы скрывали новые строящиеся здания. Высокие серые стены с зияющими оконными проёмами, казалось, напирали на соседние двухэтажные домишки с потрескавшейся штукатуркой, настойчиво требуя уступить себе место на кипящих многолюдством улицах. И точно – то там, то здесь груды строительного мусора возвещали о конце очередного особнячка.

Показались застава и здание железнодорожной станции. Гудки паровозов напомнили Пашке недавнюю толкотню в поезде, он невольно поёжился. Из трамвая стали выходить пассажиры. Старичок в соломенной шляпе старомодно поклонился на прощанье: «До свидания, молодой человек. Желаю преуспеть в науках-с». Пашка помахал ему в ответ.

– Ох, и нам ведь надо выбираться! – Мама потащила к выходу узел. – Стойте, стойте!

Трамвай было тронулся, но остановился.

– Гражданка, соблюдайте быстрее в следующий раз! – крикнул вслед кондуктор.

Через минуту подошёл свой, «сорок первый». Здесь ехала в основном другая публика: молчаливые рабочие в длинных тёмных рубахах, перевязанных ремнями или простыми верёвками. Народ опять прижал Пашку и Нину Петровну к стенке трамвая.

За окном городской пейзаж сменился более привычными картинками: серые избы вдоль дороги, сельские дворы, бесконечные заборы. Стайки тощих кур, важные гуси вокруг грязных луж, древние бабули на завалинках, хмуро вззирающие на дорогу.

Но, оказалось, на окраинах также ощущалось веяние новой жизни – наверное, даже больше, чем в центре. В городе «новое» существовало в основном в виде строящихся домов-коробок, которые вставляли на место своих пожилых братьев, в гудении моторов и размашистых буквах плакатов, в грое песен и маршей из тарелок репродукторов. Но в целом облик столицы всё ещё дышал стариной: тесная, шумная первопрестольная, где на одну прямую линию приходится множество кривых улочек и переулков. Древний град, который медленно поддаётся напору стекла и бетона, но пока сопротивляется.

Здесь же, на окраине, за серыми домишками и деревенскими плетнями, по-видимому, рождалось то, что вскоре должно было стать совсем другим городом, индустриальной пролетарской столицей.

Дорога потянулась вдоль длинного глухого забора, сменившегося вскоре изгородью из колючей проволоки. Взгляду открылся огромный пустырь, и Пашка увидел, что метрах в двухстах от трамвайной линии земля будто проваливается вниз в гигантскую яму-котлован. Размеры его поражали. Казалось, это не дело рук человеческих – разве что былинного богатыря Святогора, того, что «выше леса стоячего и ниже облака ходячего». У дальнего края, еле видного отсюда, в сизом дыму с трудом можно было различить каркас гигантского строящегося здания; кое-где конструкции уже достигли уровня земли. Тяжёлые металлические удары, слышные сквозь трамвайные стёкла даже на таком расстоянии, доносились со стороны заводских корпусов. Внизу, в тёмном провале, скорее угадывалось, чем просматривалось множество мелких строений, поблёскивающих лужами дорог и чёрных точек – десятков, сотен людей. В провале горели тусклые огни, подымались клубы дыма. «Муравейник», – невольно подумал Пашка. Но, в отличие от муравейника, а может быть, наоборот – так же, как в муравейнике, здесь чувствовалась разумная созидательная сила, благодаря которой всё это собиралось и двигалось.

К котловану подходила разбитая грунтовая дорога, по ней длинной вереницей тащились грузовики и подводы с кирпичом и толстыми кулями. Дорога спускалась вниз, в яму. Оттуда нескончаемым потоком тянулись порожняки. На поверхности вдоль края расположились длинные одноэтажные строения, вероятно, склады.

Трамвай остановился, рабочие выгрузились и направились к проходной, от которой началась тропа к котловану.

– Что это, мам?

Нина Петровна, наученная горьким опытом предыдущей беседы, промолчала и только махнула рукой.

– Завод. Еропланы, говорят, будут строить, – пояснила сухонькая старушка, сидевшая на соседней лавке. – Бонбы возить и стрелять оттудова. А чего им летать, на земле сидели бы!

Ух ты, аэропланы... У Пашки захватило дух. Он закрыл глаза и представил себе, как проплывают далеко внизу леса и поля, мелькают в глубине ленты рек и зеркала озёр – а ты летишь навстречу солнцу, сидя в кабине летающей машины, и рассекаешь встречный воздух быстрыми крыльями. Но лететь – это ещё что! Где-то впереди по курсу, за горизонтом, выстраиваются вереницы вражеских самолётов, нагруженных бомбами: тяжёлой тучей наплывают они на поля и леса, готовые расстаться со своим грузом. Но с ещё большей высоты внезапно обрушивается на них крылатая смерть: Пашкин аэроплан вместе с другими серебристыми птицами стремительно атакует врагов пулёмётными очередями – бомбардировщики горят, прощально машут крыльями и неуклюже сваливаются в штопор... Пашка открыл глаза: пустырь кончился, завод стал невидим. Трамвай нырнул в свежую зелень аллеи, по сторонам замелькали привычные деревенские домики.

– Ты что, замечтался? – Пашка почувствовал, что мама трясёт его за рукав. – Батюшка сейчас уйдёт, благословимся скорей.

Только сейчас Пашка увидел настоятеля: высокий молодой священник стоял на крыльце храма и разговаривал с коренастым пожилым человеком в гимнастёрке, у которого была борода-лопата. Нина Петровна слегка подтолкнула сына вперёд:

– Батюшка, благословите рабов Божиих: Нину и Павла. С Рязанщины мы.

Священник осенил их крестом.

– Надолго к нам?

– Как Бог даст, а мы бы надолго.

– Ну, Григорий Васильевич, вы всё говорите – приход уменьшается. А людей Господь посылает. Слава Богу, рад вам. Павлуша, значит... Неужто у моих гвардейцев пополнение? – Батюшка показал рукой на доски.

Там, в тени под тесовым навесом, сидела слегка оборванная команда в одинаковом наряде: серых холщовых рубахах и широких чёрных штанах – всего три пацанёнка. Ребята поглядывали на Пашку, но не выказывали ни радости, ни, впрочем, враждебности. Он на всякий случай принял независимый вид и исподволь стал рассматривать новых знакомцев.

Старшим был худой высокий пацан, с большими голубыми глазами. По виду молчаливый и не петух. Второй, поменьше ростом, – с упорным, дерзким взглядом живых чёрных глаз, смуглый и курчавый. «Пушкин», – подумал Пашка, вспомнив только что виденный памятник и картинку в дореволюционной книге из скудной домашней библиотеки. Третий – светловолосый, маленький и лопухий, похожий на первого мальчишку; наверное, брат.

Отец Иоанн (так звали священника) подробно расспрашивал Нину Петровну: откуда они прибыли, как житьё на родине, чем собираются промышлять в столице. Узнав, что тётя Таня нашла Нине Петровне хорошую работу, перекрестился:

– Это милость Божия. Сейчас в городе устроиться непросто.

– Батюшка! Батюшка-а-а! – позвали из церкви. Голос звучал настойчиво.

Отец Иоанн спохватился:

В одном таком доме за роскошными кустами сирени была видна часть открытой веранды, на которой в старом ободранном кресле сидел седобородый старичок в чёрной бархатной шапочке и читал толстую книгу в массивном кожаном переплётё. Рядом, на втором ободранном кресле, расположился очень важный персидский кот. У кота была широкая морда и такие узкие глаза-щёлки, что казалось совершенно невозможным определить, спит он или бодрствует. Наверняка кот прекрасно умел пользоваться этим обстоятельством, такой у него был хитрый и одновременно солидный вид. Время от времени старичок начинал бормотать вслух – вероятно, особенно ценные для него строки из прочитанного, и до Пашки доносились странные слова на незнакомом языке: что-то вроде «кордис», «синистер» и какой-то «абдоминалис». Слова звучали как заклинания – красивые, длинные и очень звучные: Пашка, припав к изгороди, стоял как замороженный. Но старичок сердито глянул поверх забора, взглядом изгоняя непрошеного соглядата из своих владений. Пришлось удалиться. Кот насмешливо мурлыкнул (ага, не спал, значит!), и Пашка тихонько погрозил ему кулаком.

Дальше шёл заброшенный участок, на котором располагался, наверное, самый большой из окрестных особняков. Поблёкшие, зелёные когда-то, стены тянулись на добрых двадцать пять – тридцать метров. Ряд одинаковых, кое-где побитых, окон первого этажа утопал в разросшейся крапиве. Второй этаж имел даже балкон, который покоился на витых чугунных колоннах. Пол балкона, как это было видно даже с улицы, во многих местах провалился, а под перилами изогнутые столбики там и сям выпали из своих гнёзд и висели на ржавых скобах, угрожая головам незваных посетителей. Дом был мрачен даже в это по-праздничному ясное и солнечное утро, и Пашка хотел поспешить дальше. Но вдруг в окне второго этажа мелькнула лёгкая тень, и как будто послышался высокий мальчишеский голос, приглушённый оконным стеклом. Пашка замер и стал ждать. Интересно, заметили его из дома? Прошло пять минут, всё было тихо. «Показалось», – сказал себе Пашка и побежал дальше.

За длинным домом располагался пустырь, заросший крапивой и лебедой. Несмотря на начало лета, трава уже стояла стеной. Среди молодых стеблей слышалось кудахтанье и шорох: чьи-то куры облюбовали эту поляну.

Для разнообразия Пашка решил выйти на Садовую, для чего свернул в узкий и длинный переулочек, соединявший её с Академической. Пробежавшись по переулочку, он выскочил на небольшой поселковый перекрёсток. Здесь всё походило на деревню: избышки, куры, завалянки. Дома стояли теснее, вместо штaketника тянулись серые тесовые заборы: на участки даже не заглянуть. Пашка промчался мимо трёх похожих друг на друга домиков и хотел уже повернуть обратно, как увидел, что дальше глухой забор обрывается и начинается низкая шаткая изгородь, которую окутал своими цепкими побегами шиповник.

В глубине виднелся небольшой деревенский дом с тремя окошками, украшенными простой резьбой. У стены сидел годовалый карапуз и ревел во всё горло, показывая улице беззубый рот. Рядом с карапузом молодая высокая женщина стирала бельё в большом тазу. Девочка лет шести со светлыми кудрями деловито складывала прополосканное бельё в таз поменьше. Гора одежды возвышалась рядом, на скамье. Не переставая стирать, женщина время от времени примирительно обращалась к малышу: «Федя, Федя, а мы не будем плакать... Вот сейчас гулять пойдём, а слёзки вытрем, а котика погладим...» Карапуз постепенно снижал громкость, но сразу сдаваться не собирался. Женщина сменила воду и занялась полосканием. Пашка подошёл к калитке. Федя поревел для приличия ещё минуты две, засунул палец в рот и уставился на Пашку. Чужой мальчик, большой... Не заплакать ли опять – страшновато ведь. Но Пашка не смотрел на карапуза. За домом, во внутреннем дворике он услышал звук, который вызвал в памяти совсем другие места. Дед Никола, Волга, тихие закаты на берегу реки... Как давно это было! И треугольник хлопающего на ветру паруса дедовского ялика.

Но ошибки быть не могло – за домиком действительно хлопал парус. Пашка прирос к забору. Женщина подняла глаза на мальчика. Взгляд был настроженный, но не злой. Она

вновь занялась стиркой, негромко сказала: «Настенька, наверное, хватит уже», а через минуту опять посмотрела на мальчика.

– Ты ведь с мамой вчера приехал к тётке, верно?

– В-верно.

– Заходи. – Женщина выплеснула остатки воды в сторону, опрокинула таз и прокричала кому-то за забор: – К нам гости, Ваня! – И опять Пашке: – Заходи, не бойся. Там наш отец игрушку мастерит. Для таких же ребят, как ты.

Пашка не заставил себя ждать. На внутреннем дворе вчерашний отец Иоанн, по пояс голый, возился с парусной лодкой. На двух тяжёлых колодах покоилась короткая и широкая шлюпка вместимостью человек на пять. Корпус пах смолой, перемычки-сиденья поблёскивали зелёной краской, новый мачтовый брус поднимался почти до крыши домика. Священник ладил верх паруса, забравшись на вынесенный на середину двора верстак.

– Маруся, это же Павлик, наш новый прихожанин? Точно. Здравствуй, очень рад... Дружище, а ты ведь очень кстати, я один никак не совладаю с этим парусом. Можешь помочь, подержать гик?..

Пашка бросился к длинной палке, к которой крепился парус. Один конец гика был привязан к мачте, другой взял Пашка. Усилие, чуть-чуть нажать, и – палка больше не мотается из стороны в сторону. Отец Иоанн, довольно кряхтя где-то там наверху, видимо, заканчивал прилаживать реек к мачте. Скоро он спрыгнул на землю и вытер пот со лба.

– Вовремя ты. Теперь хоть посмотреть можно, как вся эта конструкция выглядит в сборе.

Пашка кивнул. Конструкция ему очень нравилась. Отец Иоанн тоже поглядывал на своё детище с удовольствием.

– Мечта. Ещё с детства. А теперь вот, глядишь, и на воду спустим.

– А где спустите?

– Не «спустите». А «спустим». Не против?

Пашка был совсем не против. Он кивнул и благодарно взглянул на батюшку.

– Пока что на пруду, около Академии. А там посмотрим. Может, Бог даст, и подальше сплаваем.

– Ва-ня-а-а! – раздался голос матушки. – Веди гостя чай пить!

– Точно, капитан. Пошли, чайку хлебнём.

Пашка опять не возражал. Жизнь на новом месте неожиданно блеснула новыми, тёплыми красками.

Пока пили чай с чёрными сухариками и сушёной малиной, Пашка поведал о прежнем своём житье-бытье в посаде около Рязанского кремля. Рассказывать, на его взгляд, было нечего, но хозяева видимо заинтересовались повествованием, и он потихоньку разговорился. Вспомнил даже о давних временах и папкиных скитаниях и загулах (отец пропал в очередной поездке за «копеечкой» в голодный год: Пашке было пять лет).

Иной раз к горлу подступал комок – это когда приходило на память что-нибудь вроде ареста Нины Петровны. Тогда маму, по наводке соседей, двое суток продержали в тюрьме за её «черносотенную» деятельность – она мыла полы в храме и иногда помогала священнику по хозяйству. Сделано это было для острастки – «попужать», как доверительно потом сообщил знакомый участковый. Пашка со вздохом сообщил, что подобные угрозы неплохо действовали на некоторых других «труждающих» из рязанского прихода, но: «мамка у меня не такая!» – прибавил он с гордостью и смахнул непрошеную слезинку.

А то вдруг вспоминалось смешное:

– Был я, батюшка, у деда в деревне. Хорошо там: Волга – купайся сколько хочешь, рыбы много. Вокруг – поля, сосновый лес. Я туда несколько раз ездил, на всё лето.

... В тот август, когда Пашка уже собирался домой (со дня на день должна была случиться подходящая оказия), в село нагрянул чрезвычайный продовольственный отряд.

Деревенские старики только пожимали плечами: такого безобразия не видали с самой Гражданской войны.

Продотрядовцы заняли лучшую избу, Ивана Кузьмичева, прошли по деревне и дали задание всем поселянам: сколько чего надо сдавать «для гусударства»:

– Помогайте городу! Неурожай, страна требует продовольствия!

С каждого двора – столько-то зерна, столько-то яиц и кур.

Мужички пробовали было возражать:

– Как вы яйца повезёте, протухнут в дороге!

– Не ваше дело, тащите, – ответили приезжие товарищи. И покрутили в воздухе револьвером.

Мужики побрятели, пособирали, у кого что нашлось – принесли. Не сколько по заданию продотрядовскому надо, но всё-таки немало.

А упрямый Пашкин дед Никола своё заладил: ни яичка, говорит, нехристям не дам. Ни цыплёнка, ни полкурочки.

Когда «ироды» въезжали в деревню, дед только усмехнулся в бороду. Запасов у дедушки было немного, но что имел: зерно, картошку – всё хранил на заимке, на пасеке: как доверительно сообщил он внуку, «давнёхонько» опасался подобных гостей. Дедовские куры обитали там же – днём гуляли за частоколом, а на ночь дед запирали их в пустых ульях.

Когда продотрядовцы с утра зашли к Пашкиному дедушке в хату, удивились: в доме – шаром покати. Ни крупы, ни муки, ни хлеба.

– Ты как живёшь-то, старый? Спрятал добро, что ль? Лучше сразу признавайся.

Дед вдруг зашамкал (Пашка даже испугался), стоит – сгорбленный (а сам по четыре ведра носил на двух коромыслах):

– Штарый я шовшем, шиву подаянием. Даше внуку ешть шошеди дают.

Продотрядовцы походили по избе, пошарили по углам, носами повертели. Отстали. А вечером дедушка вместе с Павлом бегом-бегом – на заимку. Дед спустился в погреб, где со вчерашнего дня во льду лежал цыплёнок: ястреб его клюнул, да унести не успел, дед отогнал. Собирался дедушка этого цыплёнка сварить внучку, да... видать, больно уж «разбойникам» досадить захотелось.

– Ну что, Панька, проживём без курятины? Тут, правда, не птица, название одно.

Пашка кивнул: деда что-то замыслил – попроказить.

– Проживём!

Пошли печёной картошки, в деревню воротились огородами, легли спать.

Проснулся Пашка – на улице шум, смех. Деда в доме нет. Выбежал за ворота: у избы, где продотряд, народ толпится. «Товарищи» ещё от ночной гулянки не отошли, почивают. Дверь Кузьмичевой избы закрыта, меж досок гвоздик всунут, а на гвоздике болтается в удавке дедушкин цыплёнок. К удавке пришпилена бумажка, на ней выведено крупными буквами: «Не сдюжил задание продотряда, удавился с горя». Народ гогочет, веселится. Дед стоит в сторонке, подмигивает Пашке. «Те», конечно, проснулись, разозлились, стали чинить розыск. А что толку – дед всё глухой ночью проделал, никто и не знал ничего. А если кто и видал, народ душевный, своих не выдаст.

– Уехали комиссары злые-презлые, а нам с дедой мужички курицу подарили. Только не взял он: благодарствую, говорит, мы с Панькой своими обойдёмся. – Пашка победно закончил рассказ и отхлебнул из чашки, захрумкав очередным сухариком.

Отец Иоанн улыбнулся, матушка тоже. Хотя не очень весело, как показалось Пашке. Матушка встала из-за стола, молча помолилась и вышла на двор.

«Засиделся я», – подумал Пашка и тут же вспомнил мамино: «Людам не надоедай!» Она не любила, когда сын торчал у кого-нибудь из соседей: так было в Рязани, так будет (тем более!) в этой пугающей маму столице.

– Я пойду, батюшка! Спасибо!

– Ну что же... Приятно было побеседовать. Про лодку я тебе скажу, как дело до спуска дойдёт. Но если до тех пор захочешь помочь – заходи. У нашего корабля ведь с такелажем пока не всё в порядке, да и проконопатить надо.

– Я обязательно, у мамы только отпрошусь!

Отец Иоанн проводил Пашку до калитки. Тот хотел немедленно взять старт, но батюшка его приостановил.

– Знаешь что, Павлуша... Интересно рассказываешь, занятно. Но... – Отец Иоанн помолчал и грустно посмотрел Пашке в глаза. – Опасно становится вокруг, брат. Особенно здесь, в столице. Ещё опаснее, чем было. И поэтому надо нам с тобой держать рот на замке, а ухо остро. Берегись людей, даже знакомых. Некоторые вещи никому, кроме мамы, не стоит рассказывать. А лучше и дома помалкивать. Понял, о чём я?

Пашка кивнул.

– Держи язык за зубами. Как могикане на тропе войны. Читал?

Пашка опять кивнул.

– Ну, беги, маленький прихожанин...

После утренних вылазок по окрестностям Пашка должен был помогать дома по хозяйству. Нина Петровна через неделю после приезда уже вышла на работу, и Пашка оставался дома один или с тётёй Таней. Каждый день в отсутствие мамы нужно было делать одно и то же небольшое количество дел: принести воды, помочь хозяйке с огородом или выполнить что-нибудь ещё по её просьбе. Тётя Таня, правда, особенно не нагружала малого постояльца работой, поэтому времени оставался вагон. Можно было пострелять из лука или побродить по улицам, поиграть в лапту или в футбол. Но вот с кем играть? Оказалось, что во всём этом, довольно большим, посёлке не так просто найти товарищей – не говоря уже о друзьях.

Тётя Таня сказала, что за прудами есть палаточный пионерский лагерь, где много ребят. Но это было, во-первых, далеко, а во-вторых – Пашка уже знал, что в пионерский лагерь нельзя прийти вот так, с улицы. Там ребята собраны в отряды, живут в палатках, каждый отряд управляется вожатым, и так далее: почти военная дисциплина. Кроме того, по слухам, в пионерских лагерях проводились мероприятия вроде «шестивий юных безбожников» и лекций о вреде религии, которые Пашке не могли оказаться по душе.

В посёлке с пацанами тоже не заладилось. Первая встреча произошла во время обхода Садовой улицы. В одном из переулков Пашке встретились четверо. Двое ребят были повыше Пашки, двое – пониже, одеты в холщовые рубахи и портки, на которых виднелось изрядное количество заплат и дырок. Шли они по своим делам, скорее всего, рыбачить на пруды – судя по удочкам, которые тащил самый младший.

Уклоняться от встречи Пашке не хотелось, так как за несколько дней скитаний по окрестностям он уже успел утомиться от одиночества.

Ребята смотрели неприветливо и насмешливо. Ну да что с того, подумал Пашка, – он здесь ещё чужой, ожидать другого было бы странно. Сначала всегда так. Посмотрим, что дальше будет.

Пацаны подошли ближе и остановились, обступив Пашку, – пройти мимо новичка для братвы, видимо, было против правил. Что ж, порядки здесь похожи на Рязань, решил он про себя. Хотя там новички водились редко – разве что приезжие на лето.

Старший хриплым баском поинтересовался у Пашки, куда он «гребёт». Тот миролюбиво ответил, что – так, знакомится с новым местом, где теперь будет постоянно проживать. Что тут такого?

Братва возразила, что раз местожительство новое, то и сам он – салага, новичок и надо его «обновить». Теперь стало ясно, к чему идёт дело, и далее беседа поддерживалась скорее из дани уважения условностям: неприлично начинать драку, не найдя для неё повода.

Чтобы оттянуть время, Пашка спросил, что означает «обновить». Ему охотно ответили: сейчас он всё узнает. Старший из пацанов подошёл к Пашке и протянул руку, чтобы взять его двумя пальцами за нос. Пашка не одобрил этого действия и метким выпадом левой сбил с головы жоака рваный картуз. Жок ответил с правой. Замелькали кулаки, коленки, головы, пятки – посреди дороги образовалась куча-мала, она пыхла и сопела, а в центре её изредка показывались Пашкины вихры. Спустя несколько минут братва оставила Пашку на поле боя. Прихрамывая, он добрёл до обочины, присел на травку и приложил пыльный лист подорожника к распухшим губам. Двое из противников украсились «фонарями»: у одного был подбит правый глаз, у другого – левый. Когда они шли вместе по переулку, это, вероятно, выглядело симметрично – что несколько утешало Пашку. Но больше его ничего не утешало. Злые они тут, непонятные. Добро бы из-за чего стоящего подрались, а то... У них в посаде новеньких тоже проверяли на прочность, но если видели, что человек приличный, сразу брали в компанию. А не лупили до посинения из-за того, что его угораздило родиться в другом месте. Злые они, злые!

Мама, придя с работы, произвела полный осмотр боевым ранениям. Ничего не сказала – толку нет, проверено не раз. Промыла ссадины, слегка помучила синяк куском снега из погреба.

Пашка молчал и грустил.

Остальные попытки установить отношения с местными ребятами были такими же неудачными. Крупными драками они не заканчивались, но и добра не принесли. Народу Пашкиного возраста вообще наблюдалось мало, а тот, что был, не спешил принимать новенького.

А ещё хуже получилось с пацанами из церкви.

В первый день по приезде, сразу после вечерни, Пашка попытался познакомиться с той командой, которую он видел в церковном дворе. Показалось, что лучше начать со старшего, голубоглазого мальчишки с серьёзным лицом. После службы тот ушёл в алтарь и, видимо, начал там убираться. Прихожане давно покинули церковь, а он продолжал что-то чистить, скрести и мыть. Уже и батюшка ушёл домой, а мальчишка по-прежнему возился в алтаре. Пашке показалось, что пацан пару раз взглянул на него через полуоткрытую диаконскую дверь. А может, почудилось. В конце концов Пашке надоело ждать, он пожал плечами и вышел на поиски младшей братии.

Те сидели во дворе, на брёвнах. Пашка, не торопясь, чтобы не спугнуть, подошёл к ребятам. Они смотрели на него исподлобья, всё с тем же непонятым выражением, в котором соединялись любопытство и сдержанность.

– Здорово, ребят! – Пашка постарался, чтобы голос звучал как можно более дружелюбно.

Пацаны пробормотали что-то тихо и невразумительно.

– Давайте знакомиться, что ли...

Пашка протянул руку мальчишке постарше – тому, что был похож на Пушкина своей курчавой шевелюрой.

– Пашка.

Тот нехотя подал свою руку и ответил:

– Артемий.

– Что, так и зовут тебя... друзья? – не удержался Пашка.

Среди его рязанских товарищей были и Тарасии, и Афанасии, и Димитрии. Был даже Евфимий. Но так их называли в храме, на причастии. Ну, иногда родители, когда хотели «поработать». А в уличной мальчишечьей жизни в ходу были другие имена: Тараска, Афоня, Фима. Но, оказалось, с вопросом Пашка явно не угадал.

– Друзья – нет.

Молчание.

– А друзья – как? Артём, Тёма? – не унимался Пашка.

– По-разному.

Опять долгое молчание.

«Мороженный какой-то», – с досадой подумал Пашка. Придётся говорить с самым маленьким, лопухим.

– А тебя как звать?

Маленький ответил охотнее, чем кудрявый:

– Антошка.

«Ну, хоть один толковый», – обрадовался Пашка.

– Я теперь здесь жить буду, в вашем посёлке, – поделился он своей главной новостью. Маленький не возражал. – Приехали мы с мамой из Рязани. Прямо сегодня. Теперь в эту церковь ходить будем.

Мальчишки молчали.

«Да как же их расшевелить-то?!»

– У меня знаете сколько друзей в Рязани было?

– Сколько? – неожиданно резко спросил кудрявый.

– Весь посад – человек двадцать. И пять – самых лучших. – Пашка прихвастнул – но так уж получилось, оттого что успел разозлиться на этих чудных «академических».

«Пушкин» слегка усмехнулся и недоверчиво повёл плечом.

Ребята опять замолчали. Но Пашка решил добиваться толку дальше, несмотря на сопротивление.

– Я бы это... с вами хотел. Играть там, дела вместе делать. Дружить, в общем.

– Какие дела? – опять резко спросил кудрявый.

– Да всякие. По храму, например. И в приходе. Мы у себя знаете что делали? – Пашка обрадовался, что он вспомнил об этом именно сейчас. Наверняка ребятам, которых батюшка называет своей «гвардией», будет небезразлично это узнать. – Мы с пацанами помогали семьям прихожан. Тех, которых отправили в ссылку – за то, что они на Пасху вместо колхозной работы пошли на службу в храм.

Но, видимо, Пашка опять сделал промах. Ребята непроницаемо замолчали.

Наконец Антошка тихо сказал:

– Как Тим скажет.

– Это который в алтаре сейчас?

Антон кивнул.

Пашка обречённо махнул рукой и пошёл в храм, разговаривать с Тимом.

Но то ли в церкви существовала другая дверь – на противоположную сторону, то ли Пашка в пылу бестолкового разговора с Артёмом и Антошкой не заметил, как Тим проскользнул мимо, но в храме уже было пусто. Только старичок сторож, брякая замком, запирал входные двери.

– Завтра приходи, богомолец, – пробурчал он Пашке и пошёл в сторожку.

Пашка обернулся: мальчишек на брёвнах не было.

В последующие дни он не раз пытался сойтись с Тимом и его друзьями, но безрезультатно. Тим оказался крайне немногословным и, даже на невзыскательный Пашкин взгляд, грубым. Отвечал отрывисто, не глядя в глаза. Иногда вообще будто не слышал вопрос и молча уходил.

Пашка ощущал глухую стену между собой и этими мальчишками. «Что я им сделал? – недоумевал он. – Хоть бы подрались – как те, с удочками. Глядишь, и познакомились бы. А так – болтайся один».

Самое непонятное было то, что мальчишки избегали Пашку даже в присутствии отца Иоанна. Ялик, который делал батюшка, предназначался, как понял Пашка, именно для этой Тимовой команды. И они действительно участвовали в работе над батюшкиной посудой:

когда Пашка появлялся у священника, он узнавал, что мальчишки «недавно» проконопатили корпус, или покрасили борт, или сделали ещё что-нибудь. Но совершалось это неуловимо для Пашки, и он никогда не сталкивался с ними в доме священника. Справедливости ради надо сказать, что у отца Иоанна Пашка появлялся редко: мама считала, что докупать священнику не надо. А в храме эти «обормоты», как в сердцах стал называть их Пашка (с ними в компании появлялся ещё один парнишка, которого в первый день не было), по-прежнему обходили его стороной.

Пришлось пойти на обострение. Как-то раз, поймав Тима в переулке на выходе из церкви, Пашка нарочно зло, без всякого повода, бросил:

– А вот вздую я тебя! – И показал Тиму кулак.

Лицо Тима вспыхнуло. Пашка видел, как сжались у него кулаки. «Ну, наконец-то, сейчас начнётся!» Но Тим, помолчав секунды три, отвернулся и молча обошёл Пашку. Тот не стал догонять его: не драться же ему, в самом деле, с этой бесчувственной публикой... Но раз не хотят знаться, он тоже напрашиваться не собирается. Всё, конец!

Пока же придётся водиться самому с собою. Ну и ладно! Здесь столько всего нового, интересного вокруг. Даже в посёлке, не говоря уже о прудах, старой усадьбе и том, что находится за ними.

Он уже обошёл несколько улиц, полазил по заброшенным домам, изучил проулки. Из улиц остались – самая длинная, Петровская, и самая зелёная, Дубовая, на которой, как и на Академической, было много старых дач.

Но на следующий день после неудачной стычки с Тимом Пашка всё-таки отправился по старому маршруту, вдоль Академической. Была одна мысль.

Проходя мимо «длинного дома», как Пашка мысленно теперь называл заброшенный особняк с полуразрушенным балконом, он услышал – да, спутать он не мог – звук запевшей тетивы лука. Звук шёл из самого дома, скорее всего, со второго этажа. Конечно, в этой столице много всего такого, чего раньше он не видел и даже предположить не мог, что увидит. Но здесь трудно было сомневаться: кто-то выстрелил из хорошо натянутого лука, причём совсем рядом. Как будто в подтверждение этой догадки на соседнем участке нечто лёгкое (вроде стрелы, например) стукнуло о доску забора.

Это не было совсем уж неожиданным. Именно с этого участка однажды вертикально взлетела в небо стрела – судя по полёту, неплохая такая стрелка с утяжелённым наконечником и бумажным хвостовым оперением, – когда Пашка совершал рейд по параллельно идущей Садовой. Тогда он прибежал к длинному особняку, но никого и ничего не увидел. Стрелу снесло ветром куда-то за дома, да она Пашку и не интересовала. Но что за стреляющий народ здесь водится? Может, хоть эти таинственные стрелки окажутся людьми?

Пашка решительно повернул к длинному дому. На первый взгляд здесь стало ещё тише и безлюднее. Был тут кто-нибудь недавно? Дверь забита, точно в неё не проходили уже лет пять-сот. А если обойти вокруг? Пашка обогнул дом. Опять трава, груды битых кирпичей и мусора. Окна вроде забиты, но надёжно ли... Вот, около одного из них как будто утоптана земля. Попробуем окно... Нет, доски прибиты крепко. А соседнее, под которым могучие заросли крапивы? Пашка перебрался по карнизу до соседнего окна и попробовал доски. Ага, без труда отдвигаются! Весь ставень неожиданно легко поехал, открывая проём окна. Ура! Пашка влез на подоконник и стал на ноги. Ах, чтоб тебя! Он не заметил, что на подоконнике стояла жестянка с каким-то ржавым мусором. Подтягиваясь, Пашка случайно задел её ногой, и она упала на пол, загремев на весь дом. Эх ты, «разведчик»! Ладно, отступать уже некуда, надо идти внутрь и разбираться, что здесь происходит и кто тут бывает. Дверь в коридор оказалась высоченной и тяжёлой. Пашка осторожно толкнул её – она открылась без скрипа, как будто петли были смазаны. Интересно... Здесь уже не было мусора, шаги почти не давали шума. Длинный коридор пугал тёмными проёмами боковых дверей и ниш, в которых, наверное, когда-то стояли

подсвечники или даже скульптуры. Несмотря на заброшенность и безлюдье, вдруг повеяло некогда строгим порядком большого аристократического дома. Вот широкие двустворчатые двери, за ними – просторная зала. Почему-то легко представилось, как в вышине сверкают десятками свечей хрустальные люстры, по паркету скользят блестящие пары: мужчины в чёрных фраках или мундирах с эполетами, женщины в воздушных белых платьях, неслышно двигаются услужливые лакеи. Откуда это? Может быть, с тех гравюр-картинок, которые Пашка подолгу рассматривал в толстых потёртых томиках из библиотеки их рязанской тётки Лиды? На каждом томе тусклыми золотыми буквами было выведено название: «Война и мирь»... Ещё несколько комнат – больших, маленьких, каких-то чуланчиков и переходов. Наконец коридор закончился. Он упирался в лестницу, которая вела наверх. В этот момент солнце пробилось сквозь щели одного из заколоченных окон, и луч упал на лестничный пролёт. Среди толстого слоя пыли ясно виднелся босой след. Пашка приложил к нему свою чумазую ногу. След был чуть меньше его собственного. Ну, это уже не страшно. Вперёд!

Пашка побежал на второй этаж, перепрыгивая через ступеньки. Но здесь его ждало разочарование. Никаких признаков жизни наверху не замечалось. Этаж был значительно проще, чем первый, потолки – ниже, без лепнины и украшений. Наверное, раньше здесь жили слуги. Света много больше, так как окна не закрывали доски. Но ни человеческих следов, ни звуков... Пашка подождал минут пятнадцать в той комнате, из которой, по его расчётам, могли выпустить стрелу, но тщетно. Никто не появился, дом оставался немым и бездушным. Некоторый интерес представлял чердак, который наверняка имелся в доме, – с улицы были видны большие слуховые окна, да и высота конька казалась приличной. Но пути наверх не было. Там, где кончалась старинная парадная лестница, проход на чердак был наглухо заложен кирпичом. А в других помещениях второго этажа – ни люков, ни дверей наверх. Пашка ещё раз обошёл все комнаты, чтобы удостовериться, что ни одну из них он не пропустил при первом обходе. Нет, везде только голые стены и пустые окна. Потолки в комнатах ещё хранили следы старой штукатурки, во многих местах она потрескалась, а кое-где висела тяжёлыми бесформенными лепёшками – вот-вот упадёт. В двух первых комнатах: «подозрительной», с которой Пашка начал обход второго этажа, и соседней, выходившей на торец здания, штукатурки уже не было вовсе, вся она давно отвалилась. Наверное, здесь крыша протекала сильнее всего. На потолке не было даже дранки, одни чёрные доски.

Делать в доме было больше нечего. Пашка медленно побрёл вниз по лестнице, поддевая ногой куски штукатурки, которые прыгали по ступенькам и стучались об пол где-то внизу в темноте. Опять длинный коридор, двери, комната с оторванными досками. Пашка не стал их прилаживать обратно и закрывать окно – пусть это делают те, кто тут устраивает свои секреты. Если такие люди здесь всё-таки водятся.

Пашка вышел за калитку и побежал – ведь времени-то утекло с тех пор, как он отправился на разведку, порядочно – надо было торопиться. Сегодня у мамы выходной, а это хоть и хорошо во многих смыслах, но имеет и свои отрицательные стороны.

И действительно, несмотря на ускорение, он получил-таки взбучку от Нины Петровны: «Где тебя носило, горюшко ты моё? Полдня нет его дома. И чего тебе не сидится?.. Мало лихих людей в этом городе?» Пашка бурчал, сидя на струганой лавке, и сосредоточенно пережёвывал корку чёрного хлеба: «Да что мне сделается, мам?.. Кому я нужен?» Будто в доказательство того, что лихие люди не должны им интересоваться, он время от времени высовывал из-под лавки босые ноги и шевелил большими пальцами. Надо признать, не очень чистыми.

Обед съеден, мама вроде успокоилась. Пашка выскользнул из-за стола.

– Ты куда, горюшко?

– Ма-а-ам... Немного погуляю.

– Немного – это сколько? И где мне тебя по этой шальной столице искать, а?

Пашка прижался к маминой руке.

– Не надо меня искать. Я погуляю часок и приду. Тут, рядом с домом. Хорошо? Ну ма-а-ам...

Нина Петровна только гроыхнула тарелками.

Пашка понял, что путь на улицу свободен. Он выбежал во двор и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, пробрался в дровяной сарай, притулившийся между домом и покосившимся забором. Там, в углу было спрятано кое-что ценное, а именно – Пашкина гордость, его первый тутошный лук. Мама не позволила, конечно, взять ему из Рязани знаменитый «самострел» – арбалет, который они мастерили вместе с дедом. Но здесь, ещё в первую неделю, Пашка углядел замечательную толстую ветку ивы на задах одного из заброшенных участков на Академической. Выпросив у тёти Тани необходимый инструмент, он спилил её (всё равно вокруг полно молодых побегов), обрезал от сучьев и приволок во двор. Через пару дней в их с мамой каморке явился лук, который, будь они в Рязани, мог бы поспорить с лучшими «самоделками», созданными руками посадских пацанов. Стрелы Пашка ещё с Рязани стал делать свои, именные. Вот и здесь он разукрасил несколько стрелок чёрной краской и поставил собственные опознавательные знаки: три круглые крапины и длинная тонкая линия-змейка, направленная туда же, куда смотрел наконечник, сделанный из ржавого гвоздя.

Пашка взял лук и три стрелы, осторожно выбрался из сарая. Вроде никто не видел... Он отогнул доску забора и исчез в лопухах соседского участка. Через десять минут Пашка отодвигал доску уже другого забора – напротив длинного дома. Но вылезать на открытое пространство Пашка не стал. Он пристально всматривался в чердачные окна. Увы, дневной свет сильно бликовал на мутном стекле. А внутри определённо кто-то был – пару раз точно двинулись тени, и однажды даже скрипнуло стекло; а затем Пашка услышал из глубины особняка гулкие железные удары.

Что ж... Этот «кто-то» таился, когда Пашка бродил сегодня внутри дома, не желая, чтобы Пашка узнал его секрет. Сейчас «кто-то» спрятался за мутными стёклами и думает, что они помогут ему остаться незамеченным. Ладно, посмотрим! А пока пусть он получит от Пашки весточку.

В чердачном окне, расположенном на самом углу длинного дома, не хватало одного стекла. Сквозь чёрный проём – всего лишь маленький треугольник в полукруглой раме – виднелось какое-то яркое пятно, освещённое солнцем. Что это, отсюда было непонятно. Но в качестве цели годилось – конечно, для хорошего стрелка.

В комнате второго этажа, привлёкшей внимание Пашки при осмотре дома, раздался шорох и стук отодвигаемой доски. Одну из балок на потолке сдвинули в сторону, и в проём просунулась мальчишеская голова – кудрявая, как у Пушкина.

– Ушёл, что ль? – спросил кто-то из глубины чердака хриплым баском.

– Да вроде, – отозвался «Пушкин». – Я поплыл, стрел не осталось.

В проём опустилась верёвочная лестница, мальчик слез вниз и настороженно прислушался к звукам внутри дома. Всё было тихо, и он отправился к спуску на первый этаж. Через несколько минут вернулся, держа в руках пучок стрел. Поднялся по верёвочной лестнице, её убрали, а балку вновь подвинули на старое место.

На чердаке было четверо – Тим со товарищи.

Тимофей молча перебирал стрелы, принесённые мальчиком с чёрными кудрями, и поправлял наконечники – гвозди, крепко примотанные шпагатом к деревку. Некоторые наконечники погнулись от удара о заборные доски и прочие цели, их приходилось выправлять молотком на толстой железной пластине, игравшей роль наковальни. Звук молотка громко раздавался в пустом доме, но Тимофей продолжал сосредоточенно лупить по изогнутым кончикам гвоздей.

В глазах Тима сейчас было что-то суровое, поперёк лба залегла складка.

«Пушкин», или Тёма, выглядывал на улицу, сидя у слухового окна. Прохожих в это время не было.

– Тихо! Аполлоныч идёт! – Тимофей перестал стучать, не поворачивая головы и не меняя напряжённой позы.

Тёма проследил, как сосед Аристарх Аполлонович, старый профессор, продефилировал со своей собачонкой мимо дома. Наверное, в кооперативный магазин за керосином.

– Ну что?

– Пусто!

Тим застучал опять.

Кроме Тима и Тёмы, был здесь и третий мальчик, знакомый Пашке по первому дню в столице. Маленький лопухий Антон мастерил себе лук, сидя у противоположного слухового окна. Сегодня Тим принёс ему подходящую верёвку – тонкую и прочную, гибкое древко у него было припасено с прошлой недели, поэтому только недостаток аккуратности и усердия мог помешать сделать отличное орудие. Наверняка лучше Тёмкиного, а может, и почище знамени-того лука брата Тимофея. Антон сопел, воюя с узлами на нижнем конце своего древка.

– Тох, помочь? – Тим с сомнением оглядывал неуклюжие братнины узелки.

– Не, я сам.

– Са-ам... – протянул Тим. – Силёнок мало. Давай согну – завяжу. Хочешь?

Тоха мотнул головой отрицательно.

Тим пожал плечами и снова занялся наконечниками.

Четвёртым в этой компании был Боря, мальчик несколько иного рода, нежели упомянутые выше товарищи. От них он отличался даже в одежде: вместо босых поцарапанных ног – приличные сандалии, вместо холщовых рубах навывпуск поверх грубых портков – опрятный летний костюм с торчащим из кармана уголком носового платка. Волосы подстрижены ровно и лежат аккуратно. Однако чувствовалось, что Боря здесь не чужой и босоногая троица относится к нему с симпатией, хотя отнюдь не стремится перенимать его привычки. Борис сидел на табурете около окна, выходящего во двор, и читал. Рядом на полу в некотором беспорядке лежала стопка дореволюционных журналов «Нива». На открытом развороте одного из них виднелась подборка фотографий – чудеса всемирной парижской выставки 1900 года. Но сейчас внимание Бориса занимало другое.

– Ребят, папа американский журнал дал посмотреть, – задумчиво проговорил он, отрываясь от чтения.

– Ты по-ихнему понимаешь, что ль? – проворчал Тим.

– Чуть-чуть... Да тут понимать особо не надо.

– ?

– Пишут, построили новый helicopter.

– Что-о? – Тим хмыкнул. – Какой феникоптер?

– Летательный аппарат.

– Подумаешь... У нас вон сколько аэропланов есть. Тоже вроде летать умеют. «Максим Горький» скоро опять полетит. Самый большой в мире, говорят. А челюскинцев кто бы спас в Арктике, кабы не лётчики?

– Так аэроплану разогнаться надо. А этот с места может взлетать.

– Удивил... Это ж ещё прежде аэропланов изобрели: шары воздушные, дирижабли.

– Не то. Хеликоптеру не нужен шар, и газ ему не нужен. Потому что подымает его винт, а винт вращается двигателем. Как у аэроплана.

– Я те и говорю с сам-начала. Аэроплан, да и всё, – не сдавался упрямый Тимофей.

– Ага! А представь, что у нас был бы такой аппарат, который можно было бы посадить во дворе твоего дома. Или у храма. Или здесь, на участке. А потом взлететь в одну минуту?

Тим недовольно засопел.

– Если бы да кабы. Может, ковёр-самолёт ещё тебе?

– Вот, здесь и снимок есть, правда, не американский, а итальянский, – продолжал Боря. – «Хеликоптер конструктора д’Асканио в ходе установления мирового рекорда». Смотрите!

Мальчишки побросали свои луки и обступили Бориса, развернувшего журнал на странице с маленькой чёрно-белой картинкой.

– О-хо-хо... – протянул Тим. – Насмешил. Три трубы, две вертушки. И сколько эта твоя феникоптя пролетела?

– Километр. Только это в тридцатом году было, журнал старый. А вот что папа мне дал – уже наше время. В этом году испытывали, смотрите.

Борис поднял с пола сложенную газету и развернул её. Между листами лежал большой фотографический снимок. На нём был изображён аппарат, по форме напоминающий обычный аэроплан, но будто бы недоделанный: металлический каркас ничем не обшит снаружи, вместо стабилизаторов и киля торчат голые металлические обрубки. Крыльев у этого сооружения также не было, но сверху располагался огромный вращающийся винт. Аппарат летел над землёй. Внизу под снимком – подпись: «Советский лётчик А. М. Черёмухин за рулём хеликоптера ЦАГИ».

Тим пристально разглядывал конструкцию аппарата.

– Ну, это уже на что-то похоже, – проговорил он наконец. – А то – итальянцы! Наши вот путную вещь, видать, сделали.

– Да. Папа говорит – новое направление в авиации. Хотя чертежи машин, похожих на «вертолёт» (папа сказал, их теперь так стали называть), делали ещё Леонардо да Винчи и Ломоносов.

Тим кивнул. Против Ломоносова он не возражал.

Мальчишки ещё некоторое время созерцали Борины снимки, а затем вернулись к лукам.

– Эх, братцы... – вздохнул Антон. – Прав Борька, нам бы такую штуковину. Сел на пеникоптер – и поминай как звали. Ни бабка не догонит, ни училка.

– Не «училка», а «учительница», – не очень охотно поправил Тим. – И не «бабка», а...

– Да знаю я! А всё равно здорово.

На некоторое время на чердаке повисло молчание, иногда прерываемое постукиванием молотка да шелестом Бориного журнала. Время от времени Борис отрывался от чтения и задумчиво оглядывал окрестности сквозь мутное стекло, будто прикидывая, какие летательные аппараты могли бы разместиться на огородах и пустырях слободки.

Тимофей разобрался с последним наконечником и посмотрел на брата. У того, похоже, дело не продвинулось ни на шаг. Ладно, хочет сам – пусть возится.

– Ти-и-им... – Тоха поднял голову от своего лука.

– Чего тебе?

– С новичком что делать будем?

– Ничего.

– А сюда когда пустим?

– Эва... Сю-да-а-а... Ну ты загнул, братишка. Может, и никогда. Это место тайное, и только для своих.

– И чего у тебя всё тайны... Хороший он. Пустили бы, подружались.

– Слышал, чего батюшка говорил: сейчас людям доверять нельзя. Сегодня хороший, а завтра предатель.

– Сразу «предатель»! Никого он не предал. Веселее было бы.

– Когда предаст, поздно будет.

Тим подошёл к самодельной мишени, которая висела посреди комнаты. Это был лист фанеры, выкрашенный ярко-красной краской, подвешенный за два угла к потолку. Надо было доделать дело и здесь: закрепить нижнюю сторону мишени – а то каждый раз, когда кто-нибудь

из ребят выпускал по мишени стрелу (отходили в самый дальний конец чердака, но сейчас уже, как правило, даже Антон попадал и оттуда), мишень начинала раскачиваться – иди и останавливай её, одна морока. Тим растянул бечёвку, вымерял расстояние, отрезал куски ножом, протянул верёвку от мишени к гвоздям в полу. Мишень замерла.

– Другой фасон, пацаны. А? Обновим. – Тим отошёл в дальний конец комнаты и вскинул лук.

– Дай я, Ти-и-им, – запросился Тоха.

– Давай.

Послышался стук стрелы о фанеру.

– Я ж просил не стрелять! – обиделся Антон.

– Я не стрелял, Тох, – отозвался Тим. Он держал в руке лук и не спущенную стрелу.

В середине мишени торчала короткая стрелка с железным гвоздём-наконечником, на древке которой красовались три чёрных кружка и тонкая линия-змейка.

Боря хмыкнул:

– Лёгко на помине!

– Ты про кого?

– Новенький. Пашка его зовут, да?

– С чего ты взял?

– Да так. Мне просто забор Аполлоныча отсюда оч-чень хорошо видно. – И Боря опять уткнулся в свой журнал.

Следующий день для обитателей чердака длинного дома начался так же, как предыдущий. Тим увеличивал запас боевых стрел, Тёма обстреливал из слухового окна соседский забор, время от времени убегая на участок, чтобы собрать стрелки. Борис занимался чертежом helicopters ЦАГИ, Тоха доделывал свой лук. С помощью Тима он всё-таки натянул тетиву и теперь вырезал на тёмной коре узор перочинным ножиком и обрабатывал углубление для стрел, чтобы ложбинка на древке помогала задать прицельную траекторию. Несколько раз он уже выстрелил по мишени – точность была неплохая.

Солнце стояло в зените, от тёплой крыши чердак сильно нагрелся, и клонило в сон.

– Эх, хорошо, братцы, – зевнул Тоха и растянулся на досках в углу чердака, в теньке.

Тим достал полбуханки хлеба и, разломив её на куски, раздал товарищам. Народ с удовольствием и аппетитным чавканьем (кроме Бори, конечно) отдал должное свежему ситничку.

– Смотри-ка! – вдруг вскинулся Тим. – Кажись, опять вывесили.

Он вынул стёклышко из слухового окна, чтобы лучше видеть.

– Вот поганцы! – Тимофей указывал куда-то вдоль улицы.

Пацаны повскакали с мест и подбежали к окну, у которого стоял Тим. Из этого окна, выходявшего на торец дома, открывался вид на Академическую, в сторону центра. Отсюда были видны крыши домов, утопающие в молодой зелени, а за ними – тёмный силуэт шатра церкви. Контур тонкого золочёного креста над маленькой луковицей обычно казался последней земной линией, прорезающей голубое небо. Но сейчас эта линия была не последней. Над крестом громоздилась странная бесформенная конструкция, в которой острые Тимовы глаза рассмотрели связку больших надувных шаров, держащих рамку с полотнищем.

– Пошли, глянем! – как-то странно проговорил Тимофей. – Может, что можно сделать.

Отодвинули доску, скатились в нижний этаж, осторожно выбрались на улицу. Шагали не торопясь.

Сегодня, в неслужебный день, ворота храма были заперты. Внутри церковного двора не видно ни души. Зато на широкой площади перед воротами, в которую вливались три поселковые улицы, наблюдалось непривычное оживление. Ещё только выбравшись на улицу из своего тайного убежища, ребята услышали нестройные звуки духового оркестра, игравшего «Интернационал». Теперь, дойдя до площади, они увидели музыкантов. Фома Ильич, школьный учи-

тель музыки, и его племянник Женька, одноклассник Тима, раздували щёки и выводили мелодию на трубах. Инвалид дядя Вова, шмыгая сизым носом, отбивал ритм на потрёпанном барабане. Незнакомый полный мужчина в тёмной рубахе дул в огромную тубу: буп-буп-буп – хрипло доносилось из её недр.

Женька ёрзал на табурете, его глаза выражали отчаяние и покорность судьбе. Увидев приятелей, он горестно поднял брови домиком – мол, что тут поделаешь, заставили. Тим покачал головой и отвернулся от Женьки. Тот окончательно пал духом и пару раз откровенно сфальшивил, за что получил тумака от дяди в первой же паузе.

За «Интернационалом» сыграли «Варшавянку», которая звучала похоронно и стояла бедному Женьке ещё пары тычков.

На площади расположилось несколько комсомольцев. На них были надеты синие рубахи полувоенного покроя и галифе, похожие на армейские. У некоторых ребят, кроме кимовских значков, красовались новенькие жетоны ГТО. Тоха с завистью выдохнул, увидев такую роскошь. Со стороны города подкатил фыркающий грузовик. Двое комсомольцев лихо запрыгнули в кузов и принялись передавать оттуда своим товарищам деревянные скамейки. Кимовцы расставляли их параллельно, лицом к оркестру, и скоро образовалось нечто вроде импровизированного летнего театра. Из некоторых окрестных домов стали подтягиваться любопытные: несколько женщин встали у забора и слушали, как играет оркестр, плотник дядя Семён открыл калитку своего дома и с осуждением оглядывал привезённые некрашенные скамьи.

Но остальные – мужчины и женщины – смотрели вверх. Смотрел туда и Тим со своими спутниками. Над куполом храма подрагивала связка огромных шаров. Наполненные лёгким газом, шары рвались в небо и легко натягивали три длинные толстые верёвки, привязанные к крайним столбам церковной ограды. У каждого столба стоял комсомолец с явным намерением охранять привязь от возможных посягательств. Шары были красивые: зелёный, красный и жёлтый. А на прямоугольной раме, висящей под шарами, растянулось огромное изображение. Сначала ветер не давал разглядеть картину как следует, были видны только контуры рамы. Но вот полотнище повернулось, и по площади пронёсся лёгкий выдох: с холста смотрела переёркнутая красной линией карикатура иконы, а под ней – большие буквы: «Вера вредна, вредней вина!» Двое комсомольцев подошли к Фоме Ильичу и что-то сказали ему. Он утвердительно кивнул. Оркестр заиграл «Камаринскую». Комсомольцы повернулись лицом к публике и попеременно – то один, то другой – запели:

Зарыдала громко «матушка» —
Нализался поп Панкратушка!

Тим сжал кулаки. Антон со страхом посмотрел на брата и потянул его за рукав. Тим опустил голову.

Не до жиру – быть бы живу нам теперь;
К нам беда, лиха беда стучится в дверь!
Ох, пришёл конец поповскому житью, —
Вот с того-то я и пью, и пью, и пью!
С жизнью кончено привольною, —
Стала Русь не богомольною!
С храмом нет союза тесного,
Уж не чтут Царя Небесного,
Ни блаженных небожителей,
Чудотворцев и целителей!

Какая-то старушка подошла к музыкантам, погрозила им палкой, затем отковыляла к воротам храма и стала часто и истово креститься на церковь.

Певцы шутовски поклонились друг другу, прищёлкнули каблуками и пустились вприсядку, не переставая сыпать виршами Демьяна Бедного:

Мы, попы, народ колпачили,
Всех колпачили, дурачили:
И крестами, и иконами,
И постами, и поклонами,
Поясными и коленными,
Пред «останками нетленными»!

Комсомолец у столба, румяный парень с широким веснушчатым лицом, хмыкнул: «Так-то, бабка. Может, и тебе на свалку пора? Вместе с попами твоими, мощами и всеми их штучками».

– Это тебе пора, подлая морда! – взорвался Тим. Прежде чем комсомолец понял, что к чему, Тимофей подскочил к юному безбожнику и крепко врезал ему промеж глаз. – Получи, гад! Сейчас ещё дам!

Комсомолец в первый момент растерялся и даже заморгал ресницами от неожиданности. Но так как Тим не кинулся бежать сразу после своего наскока, парень ловко перехватил его руку и крепко сжал её выше локтя. Тимофей пробовал пустить в ход левую, но комсомолец оказался начеку. Он даже не успел разозлиться и стоял, держа брыкающегося Тима, с удивлением приговаривая: «Ну, чисто зверёныш малец, чисто зверь».

Подросли другие комсомольцы, отцепили Тимофея от его противника.

Музыка прервалась.

Показался старший комсомолец – высокий, статный парень в гимнастёрке и фуражке:

– Ну-ка, отпустите мальчишку!

Ребята поставили Тимофея на землю, окружив кольцом.

Комсомолец с интересом оглядел босоногого рыцаря веры.

– Откуда ты такой взялся, из деревни, что ль? – Тим молчал, опустив голову и часто дыша. – Я понимаю, бабки плачут по иконам да по мощам. А тебе-то чего?

Молчание.

Распахнувшийся ворот рубахи Тима обнажил худую чумазую шею и висевший на ней простой деревянный крестик.

– О-о-о... Да это идейный товарищ. Только идеи не наши.

Старший оглядел своих подчинённых:

– Вот, товарищи, наглядный пример того, что наша с вами деятельность по-настоящему нужна. Многие представители народа, даже такие вот малолетние, остаются в плену поповских предрассудков. И, следовательно, нуждаются в просвещении.

Комсомольцы переглянулись и погрустнели, предчувствуя неизбежную лекцию. Старший комсомолец присел перед Тимофеем на корточки, стараясь заглянуть Тиму в глаза. Тим нагнул голову ещё ниже.

Комсомолец немного помолчал.

– Ты оглянись вокруг: новая жизнь идёт. Заводы строятся, автомобили ездят, самолёты летают. И людям меняться надо, пацан! А ты всё с бабками своими. Они-то старые, уже не исправишь, а ты... – Комсомолец поймал наконец взгляд Тима, но тот лишь презрительно прищурился, недовольно буркнул что-то и отвернулся.

Старший комсомолец встал и задумчиво почесал за ухом.

Парень со значком ГТО, державший Тимофея за левую руку, отпустил её:

– Товарищ комсорг, а малец – того, не промах. Ловко он Архипова вздул!

Комсомольцы одобрительно загалдели, Архипов потёр пострадавшую переносицу и сконфуженно улыбнулся. Послышалось:

– Давай к нам в отряд, малец!

– Будешь врагов народа лупить! Мы те Архипова в ученики дадим, научишь его драться!

Архипов в шутку полез на языкастого товарища:

– Я те дам «в ученики»!

– Тихо, товарищи, тихо! – Комсорг строго оглядел своих подчинённых. – Что за балаган, товарищи? Какой отряд – вы видите, что товарищ... виноват, мальчик, политически неграмотен и пребывает в дремучем невежестве?.. Что пропаганда попов и бабок значит для него больше, чем... чем... светлые идеи коммунизма! Напал, понимаешь, на комсомольца при исполнении важного общественного задания. Кто же он после этого? Судя по его действиям – он показал себя... приспешником царского режима! ...Ты читать-то умеешь? – опять обратился он к Тиму.

Тот не ответил и продолжал стоять, опустив голову.

Комсорг оглядел худую фигурку «приспешника царского режима» и вдруг улыбнулся. Настолько вид Тима не соответствовал только что произнесённому определению. Но комсорг подавил улыбку.

Помолчав, он дал знак оркестру: играйте! – а сам положил руку Тиму на плечо и тихо продолжал успокоительным, убеждающим тоном:

– Ладно, брат. Больше не дерись с комсомольцами, а лучше сам готовься... Подрастёшь, в комсомол вступишь. Если достойным окажешься – тут ведь потрудиться надо, не всяких берут. А про религию серьёзно подумай, большой уже. В школе биологию не проходил разве? – Тим не ответил. – Значит, пройдёшь, – дурман сам собой развеется... расскажут, что учёные открыли: жизнь не сотворена Богом, а возникла в результате развития неживой природы, случайного скопления а-то-мов. Богу места – фью! – не осталось.

– Сам ты... случайное скопление... дурости! – резко и угрюмо бросил Тим и, увидев лазейку между расступившимися комсомольцами, бросился в эту брешь.

Догонять его не стали.

Пацаны собрались на задах участка Аристарха Аполлоновича.

Тим молча потирал ушибленную руку, Тёма ерошил запыленные кудри, Антон вопросительно смотрел на брата. Боря сидел на корточках и поглядывал вверх на полотнище с карикатурой – оно было видно даже отсюда.

– Ти-и-им... – Антон, как всегда в затруднительных ситуациях, обратился к брату. – Что бум делать, а?

– Дай подумать.

– Что тут думать? – Боря показал рукой на шары. – Это же просто шарики. Хорошая мишень. А?

Тим вскинул голову.

– Мишень, говоришь? А ведь верно... Ну, Бориска, голова ты у нас. Айда за оружием!

Ватага побежала огородами к своему командному пункту. Забрались на чердак, отдышались.

– Народ, слушайте! – Тим покачивал в руке свой любимый «дальнобой», сделанный из можжевельника. – Мы не хотим, чтобы нас сцапали, правильно?

Пацаны хмыкнули.

– Целим на верняк, не торопимся. У каждого один выстрел. Сначала стреляю я, мой шар – красный. Потом вы. Тёмка лупит по жёлтому. Борис и ты (Антошка благодарно улыбнулся) снимают зелёный. И тикаём. Поняли?

– Поняли! – нестройно загалдели друзья.

– За дело. – Тим присел на корточки над сваленными в углу стрелами.

Нужно было выбрать несколько «дальних», с наконечниками, сделанными из ржавых гвоздей.

«Дальними» пользовались не всегда. Чаще ребята стреляли лёгкими ивовыми стрелами, у которых не был утяжелён конец. Летели они далеко, хорошо держались на воздухе («планировали»), но прицельно послать такой снаряд получалось только в безветренную погоду. Наконечники применяли реже, потому что каждая такая стрелка требовала возни. Нужно было, во-первых, найти старый гвоздь – а поди отыщи его, все места давно уже облазили... Затем крепко привязать наконечник к древку, что совсем не просто и требует изрядной силы и сноровки. Ну, и если уж затеялась канитель с наконечником, грех не снабдить стрелу ещё и бумажным оперением – для устойчивости. Оперение подвергалось раскраске, а древко иногда украшали узорами из чёрной краски (сажи), чтобы стрелу легче было заметить в траве. Тим, правда, сажу не любил и себе оставлял «снаряды» без узоров. В общем, хлопот с чудо-стрелами было много, но зато результат получался неплохой: били они далеко и точно. В основном «дальними» занимался Тим. И сейчас он выбирал лучшие экземпляры из своего запаса.

– Держи чумазые, – протянул он две раскрашенные стрелы Тёме. – Вам тоже по две на брата. И мне две. Больше не берём – времени будет мало. Тьфу ты, извозили вы их своей чернотой. – Тим тщательно вытер руки о тряпку. – Братцы, пора. – Тимофей повернулся по направлению к храму, немного помолчал. – Господи, благослови!

Мальчишки перекрестились вслед за ним.

– Да, забыл! Луки прячем близко от засад, по улице не таскаем. Лучше сделать новые, чем спалиться. С Богом!

Вновь затоптали детские ноги вниз по лестнице. Выбрались из дома осторожно, луки и стрелы с грехом пополам прятали за спинами под рубахами.

Разделились прямо здесь, на всякий случай. Боря с Тохой двинулись самым коротким путём, через участок Аполлоныча. Старичок, как известно, в эту пору дня дремал в доме, а его Жулька давно уже не гавкала на знакомых мальчишек. Умная собака, нечего сказать. Про кота и говорить нечего, не выдаст. Аристарха миновали благополучно. Дальше шла другая профессорская дача, на которой сейчас никто не жил, – тоже без происшествий. Следующим был участок церковного старосты Григория Васильевича. Прежде чем расстаться, Тим предупредил: выбирать позицию подальше от домов «церковников», на которые может пасть подозрение. Поэтому по заданному Григория Васильевича пролезли в переулок (сейчас, к счастью, безлюдный) и по нему добежали до небольшого пустыря, который располагался совсем близко к храму.

Отсюда было прекрасно видно цель. Красный, жёлтый, зелёный шары стояли над крестом почти неподвижно. Солнце, уже склонявшееся к западу, ярко освещало полотнище.

...Боря прикинул расстояние: совсем недалеко, с наконечником вполне достанет. Тоха не добьёт, но его, Борькина, стрелка – должна. Не такие цели они брали, когда часами тренировались, обстреливая пустыри за длинным домом.

А позиция была хороша не только близостью к шарам. Глядя на своего спутника, в глазах которого угадывались и озорство, и страх, Боря сообразил, почему Тим послал их сюда. Ведь если на открытом пространстве устроить погоню за юными партизанами, так Антошку сцапать – нечего делать. Малой ещё, бегаёт пока не так быстро, не уйти от длинноногих кимовцев. Но здесь ему ничего не грозит: площадь отделена от их засады высоким дровяным сараем и почти таким же высоким забором. Вон слышно, как на пяточке болтает и смеётся молодёжь, слышно даже, как бранится недовольная старушка (это Лизавет Михална, видать, честит юных безбожников, несмотря на угрозы и насмешки). А достать маленьких бойцов, затаившихся в засаде, оттуда невозможно: придётся сделать такой крюк, что времени на бегство будет предостаточно. Молодец Тим, хорошо придумал. Теперь остаётся только лечь на кучу старых дров и ждать весточки – первой стрелы.

Но это оказалось самым трудным. Время тянулось долго, сердце у Бори стало биться ровнее и тише, дыхание выровнялось. А на душе тише не стало. Минута шла за минутой, всё громче играл оркестр за забором, всё слышнее становились голоса и смех комсомольцев, всё ярче, казалось, сверкало нахальное изображение в голубом небе... И вдруг с ужасом Боря почувствовал, что противный-противный комок страха неодолимо подступает к горлу.

Прошли ещё две-три минуты, и он понял: дело худо. Ни с того ни с сего стали ватными руки и ноги, тело охватил мелкий озноб, холодный пот выступил на лбу. Ну и ну! Так вот он какой трус, оказывается! Борька сглотнул и провёл языком по пересохшим губам. Конечно, трус! Особенно когда начинает размышлять... Ведь пока они *действовали* – спорили, бежали, помогали Тиму со стрелами, выбирали позицию, было не до страха. Они даже не успели как следует испугаться и сообразить, что впервые затеяли по-настоящему опасное дело. А теперь...

Боря старался не показать, что творится с ним. Рядом Тоха, распускать нюни нельзя.

Руки стали совсем холодными. Боря сжал губы и попробовал молиться про себя. Получалось неважно. «Господи, помоги... Господи, помилуй...»

А ветер лениво играл верхушками крапивы, окружавшей поленицу, и молодыми листочками тонкой берёзки у забора. Играл и светлыми волосами Антона, лежавшего на поленице и задумчиво смотрящего ввысь. В небе двигались воздушные потоки. Шары плавно покачивались и медленно-медленно смещались в сторону мальчиков. Полотнище повернулось изображением к солнцу – так, что намалёванная псевдоикона стала видна во всём своём безобразии.

– Бо-о-орь... – тихо протянул Антошка, совсем как брату.

– Д-да, Тош?

– А если нас поймают, что будет, а? Нас в тюрьму посадят, да?

Боря дождался, пока чуть уймётся озноб.

– Не посадят, дур-р-рачок. – Он постарался улыбнуться нарочито бодро. – Мы всё сделаем как разведчики – быстро и точно. И никто не сможет нас обнаружить.

Боря даже удивился, что егохватило на такую тираду.

Антон казался совсем спокойным.

– Это как индейцы-могикане, да? – вздохнул он.

Ведь хорошо было слушать, сидя на тёплом сухом чердаке, как Боря читает о приключениях Чингачгука и Длинного Карабина – как пробираются они, сильные и ловкие, по густым лесам озера Мичиган, невидимые коварным мингам... Верное ружьё Натти Бампо, молодость и сила Ункаса, мудрость Старого Змея – что ещё нужно для победы? Да, там ты знал, что всё кончится хорошо. Ну, не для всех, конечно, но всё-таки. А главное, что понарошку. Не страшно...

– Точно, как индейцы. – Боря с облегчением почувствовал, что страх как будто понемногу отступает. – Знаешь что, давай играть: кто первый увидит Тимкину стрелу, тот и победил.

Игра была неважнецкая, но Тоха согласился. Они замолчали и пролежали минут пять, посматривая поверх забора в сторону церковной сторожки – откуда, по их расчётам, могла взлететь стрела Тимофея.

Боря почувствовал, как снова стал подкатывать страх, всё так же медленно, противно и неодолимо. «Да когда же это кончится?» Опять стали подрагивать руки и ноги. Борис в отчаянии опустил голову. «Ещё немного, и я не смогу стрелять».

– Бо-о-орь... – опять протянул Тоха, ещё жалобнее, чем раньше. – Стрела!

Боря резко обернулся и ещё успел увидеть, как ровно и плавно подлетает из-за храма – чуть правее того места, к которому они присматривались, – тонкая иголочка с белым оперением. Мгновение – и стрела скрылась за красным шаром. Попал? В душе предательски промелькнуло: хоть бы не попал... хоть бы из тех людей, кто стоит по ту сторону забора, никто ничего не заметил, а они бы скорее вернулись на свой чердак – да, после неудачной вылазки, но с чистой совестью.

Но Тим не зря слыл за лучшего стрелка в округе. Вот красный шар повело в сторону, и он стал медленно съёживаться. «Странно, что не лопнул», – машинально подумал Боря.

Связку отнесло в сторону, а красный шар через каких-то десять секунд безжизненно повис, закрыв собой половину полотна. Ай да Тим!

– Есть, Тоха, есть! – прошептал Боря.

Скорее, скорее... Борис лихорадочно выдернул стрелку из сложенной газеты. Вот она, цель, – надо бить, и всё тут! Главное – успеть, пока окончательно не накрыл душу этот предательский ужас...

– Тимыч, молодец! Ну, держись...

Боря припал к поленице, приладив перед собой две чурки под левую руку. Жёлтый шар качался ближе всего, он будто дразнил лучника.

– Сейчас, сейчас... – Стрела прыгала в руках.

«Десять, девять, восемь...» – считал он про себя, чтобы успокоить нервы. Они совсем не успокаивались – куда там... «Семь, шесть, пять...» – вот он, шарик родимый, – наконецник смотрит в центр жёлтого овала, берём чуть выше, теперь вправо – небольшая поправка на ветер. «Четыре, три, два...» – лицо горело в лихорадке, но руки стали твёрже и увереннее... «Два, один, ноль» – Боря даже не успел удивиться, как испарились куда-то остатки страха... «Пошёл!» Когда загудела спущенная тетива, он знал, что не промазал.

– Бо-о-о-орь, смотри! – Антошка показывал на шар. Но Боря видел и сам: одновременно с его стрелой в жёлтый шар воткнулась другая стрела, пущенная справа, из-за старой казармы.

– Это же Тёмыч! А я должен был по зелёному стрелять! – схватился за голову Борис. – О-о-о!..

Стрелы вошли в шар одновременно. На этот раз никакого плавного сдвигания не получилось. Шар рвануло так, что сразу же замолчал оркестр за забором. Лизавет Михална закричала – сначала со страху, а потом победно: «Вот вам, нехристи!» Народ загалдел. Совсем близко у забора послышался голос:

– Ребята, она отсюда летела, я видел!

– Айда в обход, накроем стрелков!

– В обход далеко... А ну, подсоби, через забор полезем!

Антошка растерянно смотрел на забор, содрогавшийся под натиском кимовцев.

– Борь, мне стрелять?

– Нам тикать, Тош! Руки в ноги, быстро! Только луки в крапиву спрячем – вот так!

Боря схватил Тоху за руку, они выскользнули сквозь дыру в заборе и понеслись – по пустырю, к дырке в заборе Григория Васильевича, потом мимо Аполлоныча и его Жульки, к длинному дому. Забор, переулок, ещё забор...

– Кажется, оторвались. – Боря и Антон залезли в дом, поднялись на чердак. Там было пусто и тихо – никого.

Долго лежали на досках, переводя дыхание. «Ух-х-х...» – вроде и бежали не так далеко, а никак не прийти в себя. Пульс становился то реже, то вновь припускал всюю.

Наконец Борис поднялся и осторожно выглянул на улицу.

Тоха тоже вскочил и высунулся во второе окно. Тишина, переулок пуст – ни души.

– Где Тим? – резко выпалил Антошка и обернулся к Боре. – И Тёмка...

Боря задумался. По времени ребята должны были быть здесь, уже минут десять как минимум.

– Может, обходными путями добираются... – Голос прозвучал неуверенно.

– А если их сцапали? А мы тут... – Тоха смотрел на Бору с отчаянием. Потом опустил голову и смахнул рукой слезу.

Борис подошёл, взял Антошку за плечи.

– Будем ждать, Тим ведь сказал: собираемся на чердаке.

Антон молча забрался с ногами на табурет и сел, обхватил колени руками.

Минуло четверть часа – никого. Со стороны храма не было слышно звуков, оркестр больше не играл.

Прошло ещё пять минут. Боря вздохнул:

– Пошли ребят искать, Антош.

Они спустились на первый этаж и уже собрались выпрыгивать наружу, как отодвинулась входная доска, и в проёме показалась взлохмаченная голова Тёмы:

– Пацаны, беда. Тима поймали.

Ребята выпрыгнули из дома и понеслись к храму. На всякий случай прямо на место событий не полезли, а тихонько пробрались через дом Фёклы Матвеевны, выходящий окнами на площадь, в её крохотный палисадник. Легли в траве за кустами шиповника – отсюда всё было хорошо видно и даже слышно.

А на площади, посреди кучки комсомольцев, стоял Тим. Двое держали его за руки, и в глазах у стражей уже не было жалости к «попёнку», как они успели окрестить Тимофея после утренней стычки.

Комсорг находился неподалёку. Он что-то тихо и сбивчиво говорил широкоплечему бритому человеку средних лет в милицейской гимнастёрке.

Голос у вожака комсомольцев был извиняющимся, долетали обрывки слов:

– Товарищ Пятаков, необразованные массы... Влияние церковников... Мало агитации среди школьников...

Человек в кожанке громко и внушительно перебил:

– Вы отвечали за это мероприятие и не смогли справиться с одним сопляком? – Комсомолец прикусил губу. – Мне сказали, что он сегодня уже устроил тут безобразие – чуть не подрался с вашим товарищем и не был за это наказан. А с врагами, товарищ Балышев, нужно быть беспощадными, даже если они от горшка два вершка. Вырастет – поздно будет. Давай его сюда.

Тима подвели к Пятакову. Тот взял Тима за подбородок и, подняв его, жёстко посмотрел мальчику в глаза.

– Знакомое лицо. Степанидин внук, верно?! Сорвал мероприятие «Союза безбожников». Испортил дорогостоящее пособие по наглядной агитации. Тут один газ чего стоил... Хотя главное – даже не это. – Пятаков помолчал, подбирая нужные слова. Но, искоса взглянув на упрямое лицо Тима, не стал продолжать – видимо, подумал, что убеждать здесь излишне. – Откуда вы такие берётесь? Отцы революцию делали, а они...

Тим вскинул глаза и хотел что-то сказать, но не успел.

– Пропустите меня, пропустите! – К Пятакову сквозь ряды кимовцев пробирался Женька-музыкант с трубой под мышкой.

– Чего тебе? – нахмурился Пятаков.

– Дяденька, это не он.

– Что не он?

– Шары сбил не он. – Женька сейчас немилосердно косил левым глазом – это было знаком для всех, кто его знал, что он бессовестно врёт.

– Валяй рассказывай.

– Я, дяденька, видел того, кто стрелял!

– Ну?

– Это незнакомый мальчишка.

– Ври дальше...

– Истинная правда!

– И как ты его разглядел из-за своей трубы?

– У меня пауза была в марше Первой конной, я и зыркнул за илюхинский забор. Смотрю, стоит на поленнице незнакомый парнишка. Высокий такой, стрелу на лук прилаживает. Я ещё подивился: что ему тут стрелять приспичило?

– Илюхинский забор, значит?

– Ага.

– Знаешь что, Хлестаков... Пока я тебе уши не надрал, чеши отсюда.

– Не верите, да? – Женька на всякий случай для безопасности отступил назад.

Пятаков только вздохнул и повернулся к комсомольцам.

– Найдите и принесите вещественные доказательства стрельбы. Побыстрее, товарищи! А то не ровён час – такие же обормоты растащат.

– Какие доказательства? – спросил слегка оробевший Балышев.

– Стрелы, товарищ Балышев, стрелы... Принесите, будем разбираться – чьи тут руки орудовали.

Через некоторое время явились стрелы. Комсомольцы нашли две: Тёмкину и Борину, уничтожившие жёлтый шар. Пятаков взял их за концы и тщательно осмотрел. Обе стрелы были разукрашены чёрной краской. Посередине древка виднелись чёткие отпечатки пальцев.

– Руки! – бросил Пятаков Тимофею.

– Что – «руки»? – пробурчал тот в ответ.

– Подними руки. И покажи ладони.

Тим протянул правую руку вперёд и повернул ладонку вверх.

Пятаков сжал запястье Тима двумя пальцами и внимательно оглядел Тимкину руку.

– Вторую!

Процедура повторилась со второй рукой.

Пятаков покачал головой:

– Сегодня день такой, что ли. Безумный, так сказать... У меня ощущение, что кое у кого мозги расплавились от жары. А может, всегда такие были... Товарищ Балышев! – Пятаков повернулся к комсомольцам. – Вы меня за кого принимаете?

Балышев побледнел и не ответил. Пятаков поднёс к лицу Балышева стрелу.

– Видите?

– Вижу.

– Кто сказал, что стрелял вот этот? – Пятаков ткнул в сторону Тима. – Я спрашиваю, кто сказал, что стрелял вот э-тот? Вы его самого-то допрашивали?

Балышев обиженно молчал. Ответил другой комсомолец, розовощёкий парень в синей рубашке:

– А кому ж ещё, товарищ участковый? Это ж давешний зверёныш. Его ребята поймали рядом с тем двором, откуда стрела вылетела. А этого мальчика опрашивай не опрашивай. Чудной, молчит всё.

Пятаков провёл рукой по лбу, вытирая пот.

– Плохие у вас ловцы, товарищ Балышев! У этого лоботряса, во-первых, нет сажи на руке... – Балышев хотел что-то возразить, но Пятаков остановил его жестом. – Ну ладно, стёр, положим, ума хватило. Хотя непохоже, что у него он есть. Но, главное, есть чужие отпечатки. Меньшего размера, и рисунок другой. Я в этом кое-что понимаю, в отличие от вас, товарищ Балышев.

Комсорг буркнул что-то недовольно и отошёл в сторону. Но с лица его, как ни странно, сошло напряжённое выражение – он даже незаметно выдохнул с облегчением, будто сбросив тяжесть. Казалось, Балышев в глубине души был рад, что Тим оказался не тем преступником, с которым надо бы теперь разбираться по-серьёзному.

Пятаков ещё покрутил стрелу для верности.

– Не он. А жаль... – И вновь наградил Тима неласковым взглядом.

– Так отпустить мальчика, товарищ Пятаков? – спросил комсомолец, державший Тима за ворот.

Это был тот самый Архипов, который пострадал ранее от Тимкиной атаки. Пятаков посмотрел на него задумчиво.

– Отпустить... Как удачно выразился товарищ, этот «зверёныш» если и не причастен к стрельбе, то виноват в другом. Он питает, к сожалению... и это совершенно очевидно... враждебные чувства к мероприятиям «Союза безбожников», а может быть, и, – Пятаков поднял палец, – к Советской власти.

– Я Советской власти ничего не сделал, – проговорил Тим.

Комсомольцы засмеялись: «Заговорил, смотри-ка!»

– Поэтому... Первое, самое важное. Нужно найти стрелков. Чтобы определить, кто устроил вот это. Дело-то подсудное. – Пятаков поднял руку и указал на пострадавшую от обстрела конструкцию, парящую в небесах. – Второе – надо заняться самим лодырем – провести разъяснительную работу с родственниками. А третье – необходимо довести до конца мероприятие. Чтобы оно оказало должное воздействие на массы. – Участковый окинул взглядом «массы» – бабу Лизу, дядю Семёна и нескольких стариков – и неодобрительно покачал головой. – Заодно с вашими стрелками-разбойниками, да? По глазам вижу, что заодно. Всё за церковь свою цепляетесь, без попов жизнь не мила – без эксплуататоров... Стараешься – устраиваешь для них лекции, выступления, только народное имущество изводишь... – И Пятаков в который уже раз за этот день посмотрел в небо, на висящее над храмом «народное имущество» – полегчавшее от стрельбы чудо агитпропа.

Ветер сбросил с полотнища обрывки красного шара, жёлтого не было и следа, зелёный шар спустился чуть ниже, но и в одиночку справлялся со своей просветительской задачей. Изображение продолжало красоваться в лучах заходящего солнца.

Баба Лиза истово перекрестилась. Пятаков сплюнул и опять тяжело вздохнул.

– И где же Бог ваш, тёмные вы, глупые вы, бестолковые вы люди? – безнадежно и устало проговорил он. – Как же вам вбить в дурную вашу башку...

Стрела – короткая, с широким оперением – таким, которого не делали на своём чердаке Тим и его друзья, – плавно взмыла с дальних дворов, из-за Петровской улицы, описала дугу и вошла в середину зелёного шара. Шар громко хлопнул и исчез, а полотнище рухнуло на пустырь за церковь.

Тим рванулся из рук зазевавшихся комсомольцев, юркнул между Балышевым и Пятаковым, увернулся от чьей-то руки и скрылся в переулке.

Пятаков немного растерялся, но придя в себя, зло и устало прокричал:

– Пойма-ать! – Когда же два комсомольца бросились бежать за Тимом, махнул Балышеву. – Останови ты их! Плевать на попёнка. Надо найти того, кто стрелял...

И Балышев пустился ловить своих товарищей.

Поздно вечером Тёма, Боря и Антон сидели у слухового окошка на чердаке длинного дома и всматривались в сторону Аристархова участка. Свеча, поставленная на пол в дальней, тёмной части чердака, едва освещала лица ребят.

Наконец одна из досок Аполлонычева забора качнулась. Из проёма высунулась голова, затем знакомая фигура Тима целиком нарисовалась на фоне забора, светло-серого в ярком свете луны. Заслонку отодвинули ещё раз, и показалась вторая мальчишеская фигурка, пониже ростом. Тени скользнули в сторону дома, и вот раздался знакомый стук – от прыжка на пол во входной комнате. Тёма отодвинул балку и спустил лестницу. Через минуту послышались тихие шаги в комнате внизу, лестница заколыхалась, в убежище просунулась запылённая физиономия Тима. Он подтянулся и стал на четвереньки, его нарочито сосредоточенное лицо вдруг расплылось в довольной улыбке, которую нечасто доводилось видеть даже друзьям:

– Ну, чего уставились?! Пацаны, нас теперь пятеро!!!

Из-за пятки Тимофея на ребят смотрели тёмные глаза Пашки.

Часть 2. Лето «у Академии»

Взгляд назад

Пашка быстро и незаметно для себя влился в жизнь околотка «у Академии».

Он теперь довольно редко вспоминал, как неожиданно – с бухты-барахты – случился их с мамой переезд в «шалную столицу» – самое настоящее бегство! А бежать было отчего.

Последние рязанские полгода Нина Петровна, давний член двадцатки прихода Спаса Преображения, жила под сильным прессом. Ей было не в новинку: с конца двадцатых Пашкину маму то и дело прорабатывали, вынуждая оставить работу в церкви. «Дружеские» беседы на дому, официальные допросы в милиции – Нина Петровна привыкла к ним, как к назойливым насекомым. Переносила «укусы» молча, без лишних слов.

Но полгода назад, после того как уехали в Касимов две семьи – Черняевы и Сажины, некогда костяк двадцатки, – дело приняло другой оборот (Нина Петровна на первых порах не посвящала Пашку в тревожные приходские новости, но со временем стала делиться ими с сыном). Нет, община не развалилась – более того, появились новые деятельные люди – некие тётя Паня и дядя Пахом, – охотно вникавшие во все хозяйственные мелочи. Поначалу отец Симеон принял пополнение с охотой: «Слава Тебе, Господи, не рушится приход...» Но через некоторое время батюшка оповестил старых преображенцев: «С Пахомом будьте осторожны! Похоже, человек появился здесь неспроста». Как показали дальнейшие события – действительно неспроста.

Пахом Сергеевич довольно быстро стал старостой. Накануне его избрания в храм прилетел гонец от уполномоченного и передал настоятелю короткое послание от своего начальства: «Лучше не сопротивляйся! Если хочешь остаться на свободе». Скрепя сердце, отец Симеон уступил, Пахома утвердили. От хозяйственных вопросов батюшка с тех пор держался как можно дальше.

Принялись потрошить двадцатку. Исключили из состава тётю Зину-швею, семью Полковниковых, Володю Белякова. Вместо них подтянули Паню и невесть откуда взявшуюся Панину родню – пятерых молодых женщин и двух парней («Они ей такая же родня, как мне князь Потёмкин», – ворчала Нина Петровна).

Наконец добрались до Пашкиной мамы.

Нину Петровну вызвали на допрос и припомнили её давние «контрреволюционные» речи – действительные (например, недовольство по поводу закрытия соседней церкви) и мнимые. Намекнули: имеются свидетели, будет кому подтвердить обвинение в случае очной ставки. Дело пахло уже не рядовым приводом, а самой настоящей каталажкой. «Выбирай: или – или! Соглашайся – потом поздно будет». – «На что соглашаться?» – спросила Нина Петровна, хотя об ответе догадывалась. Представители власти потребовали от Нины Петровны: а) доносить на прочих преображенцев – если заметит в них контрреволюционные настроения; б) принимать без возражений все решения новой двадцатки – какими бы они ни были.

Нина Петровна ответила отказом. И, конечно, сдаваться не собиралась, хотя её сопротивление властям не выражалось ни в каких протестах. Просто ещё больше времени стала проводить в храме: тёрла полы, убирала за свечами. А говорила с людьми – меньше. «Рот на замок – так-то спокойнее», – вздыхала она изредка, воротившись домой из церкви.

Только вот много ли толку теперь от молчания, уберёжет ли оно от «иродов»? Мама сомневалась и качала головой; новые морщины пролегли на её лбу. Пашка часто ловил на себе беспокойный взгляд Нины Петровны. Он понимал его: «Заберут меня – что с тобой станется, горяшко ты эдакое?..»

Вскоре маму исключили из двадчатки.

А приход стал уменьшаться на глазах. Ушла свечница тётя Клава, уехала в столицу мамина подруга тётя Лида. Пашка видел, что их община рассеивается, как мука. Вместо всех этих людей – молодых и старых, весёлых и хмурых – очень разных, но привычных и знакомых с детства, – его с мамой всё больше обступала пустота. Процесс был небыстрым и не очень заметным: просто, придя в очередное воскресенье в храм, Пашка вдруг вспоминал, что у иконы преподобного Сергия годами стоял Иван Алексеевич, у левой колонны – Лидия Петровна, а сейчас этих людей и след простыл. Хотя Пашка бывал в церкви гораздо реже, чем мама, а может, именно поэтому – он остро чувствовал в течение последних месяцев: жизнь общины медленно, но неуклонно угасает.

Ему, конечно, не так часто приходилось рассуждать о столь непростых материях. Думать было некогда, особенно среди учебного года, – дела, заботы, домашние уроки, друзья-товарищи. Действительно, вне храма он и не думал об этом... до тех пор, пока Пашкина школьная жизнь не вступила на тот же печальный путь, что и жизнь родного прихода.

Да, с начала последнего учебного года – или раньше, в конце предыдущего?.. – Пашка всё чаще стал оказываться в одиночестве. Пустота всё больше обступала его в школьных коридорах, несмотря на весь шум-гвалт ученической жизни. Одно было хорошо – причины школьного одиночества ему казались понятными дальше некуда. Всё просто: как не раз объясняла им классный руководитель Глафира Фёдоровна, юные граждане социалистического государства теперь, в годы великих пятилеток, не только учатся – они «проходят перековку-переплавку». Те, кто не хочет плавиться, не могут быть полноправными членами классного коллектива. Ведь сам коллектив из просто ребячьего превращается, согласно важнейшим директивам партии и правительства, в пионерский – причём ударными темпами. Вывод, по словам Глафиры, следовал однозначный: либо вливаешься в коллектив, либо происходит... – тут она делала паузу – «отторжение».

Пашка охотно вливался во многие школьные дела. И, не на словах только, болел за класс – участвовал во всяческих соревнованиях, слётах, сборах, выставках... Но, видимо, последние директивы требовали большего. Он ведь до сих пор не был пионером. Ходил в церковь, и все это знали. Не участвовал в «кружке юных безбожников». Не соглашался осуждать, хотя бы на словах (ишь, чего захотели!), свою мать, «пашущую на прислужников царского режима». Не... в общем, было несколько важных «не», из-за которых, по-видимому, и началось то самое отторжение.

Своеобразным ускорителем процесса явился последний медосмотр в рязанской школе. Дело было не так давно, осенью тридцать четвёртого. Пашка хорошо запомнил сам день, а также некоторые последующие события, с ним связанные.

На пятом уроке, физкультуры, они играли в лапту в школьном дворе. Пашка засветил подряд две отличные свечки, причём в самый нужный момент – по ходу матча отставая от соперника, команда вырвалась наконец вперёд. Народ вокруг радостно галдел, на душе был праздник. «Молоток, Пахан! Заряжай по новой!» – крикнул Витька Селин, перебрасывая мяч другу.

Но не успел Пашка коснуться мяча битой, как над площадкой прозвучало резкое: «Сто-о-ой!» Учитель физкультуры Степан Михеич замахал руками: матч окончен! Ребята недовольно переглядывались, не понимая, в чём дело: до конца урока оставалось не меньше пятнадцати минут – это время, конечно, хотелось потратить на игру. Еще больше школьники приуныли, когда увидели медичку Нину Прохоровну, директора Семёна Борисыча и какого-то толстого дядьку с важным лицом, направлявшихся к середине поля. Эх, точно – им ведь сказали утром: «В гигиенических целях будет проводиться медицинский осмотр; важное мероприятие – месячник гигиены и борьбы с педикулёзом!» Дядька оказался сотрудником райнаркомпроса. Всё, лапте капут.

Пашка побледнел. Но не от того, что оборвался матч. Сегодня он пришёл в школу с крестиком на шее. Раньше мама пришивала крест к рубашке с внутренней стороны. Никто поэтому не спрашивал: «Что у тебя там на верёвке?» – ведь верёвочки на шее не было. Но в новом учебном году Пашка махнул рукой на конспирацию: «Ну их, мам! Кому какое дело!» – и носил крест на тонкой бечёвке. Действительно, кому какое дело?

Сегодня было кому. Директор слыл воинствующим безбожником, а районный дядька тоже наверняка не из православных. Нина Прохоровна тётенька хорошая, но она здесь не командует. Устроят бучу, как пить дать. Что делать?

Пашка знал в глубине души: самое правильное – ничего не делать. Как все, встать в строй, как все, снять рубаху. Пусть смотрят! Но по ногам пробежал противный холодок. Не в добрый час прилетело воспоминание – месяц назад маму вызвал к себе этот самый Борисыч, сообщил ей – то-то новость для Нины Петровны! – что её сына бдительные одноклассники опять заметили входящим в церковь. И предупредил, что «если снова поступят сигналы, то...». Мама тогда выслушала директора молча, с окаменевшим, ничего не выражающим, лицом (так что потом директор интересовался у своих коллег, ближе знавших Пашкину мать: правда ли, что она «совсем тупая»?). «Терпеть религиозников в школе, – выразительно проговорил Семён Борисович, глядя в упор на Нину Петровну, – нет никакой нужды. Пусть освобождают место здоровой ребятне».

Хороший будет подарок маме, если его из школы «выпинают»!

Пашка наклонился – якобы завязать шнурок. Запустил руку под рубаху и резко рванул верёвку. Шею резануло, но бечёвка не выдержала, лопнула. Он нашарил крестик. Здесь, не упал! В брюках не было кармана, поэтому оставалось одно – держать крест в кулаке. Пашка так разволновался, что не заметил: из кулака торчал хвостик верёвки.

Когда Нина Прохоровна дошла до Пашки, она велела ему повернуться к ней спиной, затем вновь – лицом. И показать ладони.

– Разожми! – сказала медичка.

Пашка не пошевелился.

– Разожми! – как будто удивившись, повторила Нина Прохоровна.

Пашка с мольбой посмотрел ей в лицо.

– Неужели это так трудно? – Нина Прохоровна с недоумением пожала плечами и двинулась дальше по ряду.

Директор, в двух шагах следующий за медицинским работником, издевательски подмигнул Пашке:

– Вошку поймал, отпускать не хочет!

Нина Прохоровна недовольно сдвинула брови: она не любила, когда начальство пробовало шутить.

– Чистый парень. Какую ещё вошку? – проворчала она.

– Особенную. Которую необразованные бабки вешают на шею, – добавил Семён Борисович вполголоса.

И опять дурацкое, совсем не директорское, подмигивание. Толстый дядька проплыл за Борисычем, ничего не поняв.

После осмотра директор подошёл к Пашке и грубо ткнул его пальцем в грудь:

– Чтобы я больше этого не видел.

От обиды и унижения Пашка едва не разревелся – чего с ним давным-давно не случилось. Он опустил голову и плотно сжал губы.

– Если повторится, примем меры! Будешь упорствовать – применим товарищеское воздействие!

«Какое ещё воздействие? Будь те неладно, шут гороховый!» – мысленно обругал Пашка начальство.

Он чувствовал, что директор смотрит на него в упор.

– Странно, – сказал наконец Борисыч. Пашка не отозвался и только ниже опустил голову. – Странно... что ты хорошо учишься. Но это тоже можно исправить.

Хмыкнув, директор зашагал к чёрному ходу и через несколько секунд громко хлопнул за собой дверь.

Минута, две... Коленки перестали подрагивать, Пашка медленно поднял голову. Уф, унесло вражину... Но в этот момент, когда неприятности, казалось, смилоствивились над ним, случилось непривычное и страшное. Пашка почувствовал, что почва резко уходит из-под ног. Почти в буквальном смысле. Дурнота, до тошноты, откуда ни возмись, поднялась в Пашке. И проникла в душу. Вместе с ней хлынул поток – уныния, тревог, сомнений. Он полился на Пашку внезапно, мощно и обильно. Как будто противный Борисыч прорвал своим тычком запруды, которая до последнего сдерживала многие тонны мутной грязной воды. В этом потоке было больше ощущений, чем мыслей, – тяжёлого уныния, страха, тревоги. Но отдельные ручейки всё-таки воплощались в слова, вывалились в сознание, долбили по мозгам. «Дурень ты, дурень... Крестики, церкви, бабки в чёрных платках – хватит! – почти осязаемо слышал Пашка сквозь общий нестройный шум. – Чудеса на постном масле! Мракобесие, поповские выдумки! Враки, враки, враки... Отсталые, глупые люди! А ты, ты... – изгой!» – обрывки фраз неслись галопом, обгоняя друг друга, нагло трубя в уши.

Сомнения и раньше кружились вокруг Пашки, но до сих пор не проникали в сознание. Все эти месяцы и годы он спокойно, и особенно не раздумывая, шёл-брёл своим путём, прекрасно понимая, что у них с мамой всё правильно. Плевать на дурные мысли, не важно, что говорят другие, Божия правда на свете всё равно победит! Так учила его мама, так верил он сам. И сейчас, казалось бы, что изменилось? Ну, пристал к нему директор, подумаешь! Борисыч ведь не сказал ничего нового – ничего, что могло качнуть его душу?

Вроде так. Но сегодня Пашка, пожалуй, в первый раз в жизни по-настоящему ощутил – он один. В этом классе, в этой школе, а может, на всём белом свете? Маленький мальчик, который вместе со своей мамой верит в такие вещи, которые давно забыты знающими, образованными, передовыми людьми. Ощущение не вытекало ни из медосмотра, ни из других событий дня. Просто в один момент всё сошлось и – полетело на Пашку: тычок директора, последние уроки – биологии и физики с «доказательствами» небытия Божия, истории – с Глафириными рассказами о происхождении религии; классный час – на котором все, кроме Пашки, проголосовали за вступление в группу юных безбожников. Кстати, насчёт голосования... Он прекрасно знал, что добрых полкласса тогда подняли руки за компанию, а ещё более – из страха. Но сейчас это не успокаивало. Пашка физически ощущал, как напирает на него мутный, беспощадный поток, пробирается внутрь, лишает его опоры.

Дома наваждение прошло. Стоя вечером вместе с мамой на молитве, он выговаривал привычные слова: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...», веря, что враги действительно расточатся – видимые и невидимые, «от лица любящих Бога... и в веселии глаголющих...».

Веселия в последующие дни стало совсем немного. Но страхи, нагнанные видимым врагом-Борисычем, действительно вскоре развеялись.

Во-первых, мама очень просто решила вопрос с крестом:

– Буду подшивать под рубаху. Как раньше.

Пашка угрюмо промолчал, но не спорил, как сделал бы всего месяц назад. Во-вторых, кто-то из знакомых учителей успокоил Нину Петровну: выгнать Пашку из-за крестика или посещения церкви – вряд ли выгонят. Он учился на пятёрки и четвёрки, а каждый хорошист – плюс для школы: в стране ведь взят курс на всеобщее образование! Поэтому, решил Пашка, хитрый Борисыч и не вывел его на чистую воду перед районным начальством – он представлял для директора своего рода капитал, которым не стоило разбрасываться.

Всё это хорошо, но... спокойной учёбы, понятно, в этой семилетке не видать. Будут пропесочивать, прорабатывать, агитировать. Может, и ладно, шут с ними – в пионеры-комсомол Пашка всё равно не собирался. Как-нибудь вытерпит. Как-нибудь...

Школьная жизнь вернулась на круги своя. Только стала чаще, чем раньше, выплёскивать на Пашку пену разнообразной пропаганды. Особенно били по голове уроки истории. Может, оттого, что Глафира вещала противным гнусавым голосом, может, от бесконечных повторов надоевших слов: «эксплуатация трудящихся», «царский режим», «мировая революция» – он выходил из класса уставшим, как после тяжёлой огородной работы. Не лучше было на классных мероприятиях, где та же Глафира с увлечением рассказывала о рабочем движении, которое наконец-то воплотилось в самую настоящую пролетарскую революцию и смела всю нечисть с лица русской земли. Что за нечисть, объяснялось весьма красноречиво. Пашка с Ниной Петровной, судя по всему, входили в её состав.

Он привык ко всему этому. Откровенно говоря, трескучая болтовня теперь отскакивала от него, как горох. Иногда это приводило к провалам в учебном табеле, но ни он, ни мама особенно не жалели о плохих отметках. Невелика потеря – оценки. Невелика потеря – Глафирины упрёки. Другое дело – когда уходят друзья.

«Товарищеское воздействие», о котором брякнул тогда Борисыч, приносило плоды. Это было больно. Кроме Витьки Селина, старого товарища – они дружили с первого дня школы, – у Пашки и раньше-то не особенно много водилось друзей. Но отношения с пацанами всегда были хорошими, товарищескими. Вместе играли, вместе списывали (чего уж греха таить!), вместе бегали рыбачить. После медосмотра большинство ребят Пашку стали сторониться. Почему? Попробуй узнай – не спрашивать же одноклассников, какая муха их укусила? Его не звали на школьный двор, когда на перемене устраивали футбольный матч (или, ближе к зиме, игру в снежки), не приглашали на сбор металлолома (занятие скучное – но разве в этом дело!), за Пашкой не забегали, как раньше, когда большой компанией отправлялись кататься на замёрзшие дальние пруды. Он понимал: здесь не обошлось без внушения Глафиры и Борисыча, но... легче ли от этого?

Самым тяжёлым ударом стал разрыв с Витькой. Витьку обработал, конечно, Борисыч. Как именно, неизвестно – может, посулил что-нибудь или, скорее всего, припугнул. Расстались с бывшим другом практически без слов и как будто без повода: Пашка просто почувствовал отчуждённость в Витькиных повадках, во взглядах, мимолётных фразах.

Селин перебрался на другую парту (конечно, с ведома Глафиры и прочих учителей), оставив его одного. А Пашка даже не повёл бровью и уж, конечно, не стал вести с Витькой беседы-уговоры. Друзей уговорами не воротишь.

Никто из других ребят к Пашке не подсел.

Пустота знала своё дело. Она таилась и караулила его, а пару раз – прямо как на медосмотре – резко и неожиданно наваливалась на Пашку, вгоняла в мёртвую тоску. Вырваться из этих холодных тисков казалось невозможным. «От себя не убежишь», – говорила Нина Петровна.

Примерно через месяц после разрыва с Витькой, в одну из суббот, мама пришла домой из храма раньше, чем обычно. Пашка удивился: он знал, что в этот день ей предстоял большой фронт уборки – кроме неё, в церкви почти не оставалось работников. Нина Петровна выглядела очень бледной.

– Чего, мам? – встревожился Пашка.

– Нет больше храма, сынок, – тихо проговорила Нина Петровна.

– ?!

– Опечатали двери. Закрыли...

Всё оказалось просто.

Днём староста собрал новую двадцатку, без настоятеля, и большинством голосов община «самораспустилась», а здание церкви передала райкому комсомола. Храм немедленно опечатали, не дав даже провести последнюю всенощную.

Всё. Рухнул последний оплот. Пашка хорошо знал свою маму и уже свыкся с мыслью: она будет ходить в храм до последнего – сколько бы вокруг прихожан ни осталось, сколько бы штормов ни налегало на церковные стены извне. Но как быть, если самих этих стен будто уже и нет?

– А отец Симеон, мам?

– Батюшка в Шацк уезжает, родня у него там. Дай Бог, чтобы не арестовали ироды – найдут за что.

– А мы?

Мама только растерянно развела руками.

На следующей неделе Нина Петровна попыталась устроиться на работу – на любых условиях – в оставшиеся рязанские приходы. Их было всего два: собор и Скорбященская церковь. В обоих отказали.

– Мам, поехали к тётке Тане! – сказал Пашка, когда вечером в среду Нина Петровна получила окончательный ответ из Скорбященской.

– Вот ещё! – нахмурилась мама.

Но после чая достала письмо своей двоюродной сестры и стала внимательно его перечитывать. Пашка занялся тем же – облокотившись на спинку маминого стула и выглядывая из-за плеча Нины Петровны. Мама не прогнала его – что само по себе было уже удивительным.

«Подыскала тебе работу... Решат вопрос с пропиской... Хороший приход», – вполголоса проговаривала мама. Изучив письмо вдоль и поперёк, Нина Петровна пошла по второму кругу. Пашка стал тихонько барабанить пальцами по деревянной спинке и еле слышно шептать: «Мам, поехали! Мам, поехали...»

Наконец Нина Петровна встала и резко двинула стулом.

– Чего тебе в родном доме не сидится, горюшко?!

– Я там в другую школу пойду, без Глафиры!

– О глупостях всё... Перетерпишь Глафиру свою, эка забота!

Пашка надулся и забился в угол. Хорошо маме про Глафиру говорить – «эка забота!». А ему эта забота поперёк горла, нету житья никакого. Но с мамой сегодня действительно происходило что-то необычное. Поздно вечером Нина Петровна надела тёмное платье и «городские» туфли. Значит, путь далёкий.

– Куда, мам?

– К отцу Николаю.

Ясно – через всю Рязань, к духовнику отцу Николаю, посоветоваться.

Нина Петровна вернулась за полночь.

– Как, мам? – спросил её Пашка, высунувшись из-под одеяла.

– Едем. Может, ненадолго. Как Бог даст.

«Надолго, долго!» – прошептал Пашка под одеялом и перекрестился.

Так неожиданно-негаданно состоялся их исход в столицу. «От себя не убежишь!» – повторяла Нина Петровна, когда Пашка после какого-нибудь «вызова» упрашивал её спастись от опасности. Раньше мама никогда не колебалась: некуда ехать, «здесь родились, здесь и пригодились!» Но сейчас всё-всё стало по-другому. Последние недели дома, сборы – кульки, узлы, старый чемодан... Прощай, родной дом!

Доброе житие

1.

В столице началась другая жизнь. «Доброе житие», как выразилась Нина Петровна, не веря своему счастью. Да, они прямо убежали от себя! Вернее, от своих невзгод, загнавших было её с Пашкой в глухой угол. А много ли им надо? – спрашивала она «горюшку». Кусок хлеба да храм Божий. Вернее, наоборот, «храм Божий да кусок хлеба».

Было у них теперь, по мнению мамы, гораздо больше. Её в кои-то веки не трогали власти, работа давала неплохой заработок. Главное же, новый «ладный приход» (Пашка первый раз услышал такое словосочетание) напомнил Нине Петровне те времена, когда Советская власть ещё не рушила церковную общину изнутри. Настоятель, хоть и молодой, – батюшка основательный, в двадцатке – приличные люди, служба течёт по чину. Конечно, непривычно: поют, знамо дело, не по-старопосадски, читают не по-рязански – народ-то другой, всё больше интеллигенция. Но! Своя, православная. С первой же службы в «академическом» храме мама вынесла заключение: Богу здесь служат правильно. Нина Петровна не хмурилась и не поджимала губы после возвращения из церкви, быстро сошлась с несколькими женщинами-помощницами – конечно, с осторожностью: «стукачей» ведь повсюду полно, – пару раз сама подежурила около свечек, дома охотно обсуждала с тётей Таней разные приходские новости.

Вскоре, по-видимому, окончательно улеглись и мамины страхи, вызванные переездом в чужое жильё, – чему, конечно, помогло сближение с тётей Таней. Несмотря на разницу в образовании – тётя Таня была «из учёных», что поначалу очень пугало Нину Петровну, и в характерах – хозяйка казалась более резкой, чем мама Пашки, – две родственницы, по всему видать, неплохо поладили. По очереди готовили, на пару делили стирку и другие женские дела. Вечерами вели степенные беседы, попивая чаёк и раскладывая засаленный пасьянс-«косынку»... Словом, Нина Петровна оказалась в своей тарелке. Что ж, это очень хорошо!

Правда, заметил Пашка, маму долго не покидало удивление. Причина оказалась простой: Нине Петровне казалось, что здешняя окружающая жизнь, по сравнению с Рязанью, изменилась до странного мало. То ли представлялось ей, когда грохотали в первый день на трамвае мимо разных столичных чудес – от громадного вокзала до невиданного котлована, под рупором репродукторов и сенью транспарантов, продираясь через толпы людей и сотни автомобилей?! Ан нет, снова – одноэтажная, «сельская», местность: домики, заборы, куры и собаки; а на работе – само-настоящие деревенские коровы и самый настоящий скотный двор... Будто не отмахали по железной дороге две сотни вёрст. Будто не в столицу нагрянули, а из одного пригорода переметнулись в другой.

Если же говорить о самом Пашке, то во многом он соглашался с мамой насчёт жизни в столице. Снова деревня? Конечно, деревня!

Это где-то далеко за пределами академического посёлка, в городе (так здесь именовали прочие районы), всё шумело, бежало и стучало – но шум и стук докатывались до околотка «у Академии» только волнами, наплывами. То проедет по улице длинная колонна грузовиков с красноармейцами, то загромыхает где-то за лесом, на одной из соседних строек, тяжёлый молот, то пролетит пара истребителей к Центральному аэродрому (а он, ребята говорят, совсем близко!). То пронесётся новый легковой автомобиль, каких в Рязани видом не видывали, – прошелестит по Садовой, и вновь куры вышагивают по проезжей части, да хитро поглядывают со своего столба Фёклин Котофеич: ездите, ездите, а мы посидим-пожмуримся... Конечно, есть ещё кино и радио – где ж увидишь наступление небывалой эпохи, как не в новых советских картинах, или хотя бы услышишь из сводок радио Коминтерна о достижениях второй

пятилетки? Но в кино ездить было далеко, а радио Нина Петровна покупать не собиралась: «Ботинок вон путных нет у тебя! Не до чёрных тарелок нонче», – и смотрела на сына строгим взглядом. В нём читалось ещё кое-что, недосказанное: нечего слушать всякую... в общем, понятно что. Ну, не надо так не надо. Пашка покладисто соглашался: обойдёмся без радио. И убежал к друзьям. Или на огород – помочь тёте Тане. Или в длинный дом.

Мужских дел в доме имелось не так много, их выполнение возлагалось на Пашку. Здесь тоже всё было привычным и даже более лёгким, чем раньше: колонка с водой – совсем близко от дома, столярных и слесарных инструментов – полный сарай (правда, некоторые из них он видел в первый раз в жизни и даже не знал предназначения), огород – небольшой (вот только почва в столице была значительно хуже посадской, да крепче хватались за жизнь сочные сорняки), а о дровах думать было пока рановато.

Словом, в повседневном быту столица преподнесла мало сюрпризов – и маме, и сыну. Но Пашку, после всех перипетий последнего рязанского полугодия, больше волновало другое. Как сложится его жизнь среди местной публики? Канула ли одинокая, тоскливая пустота в прошлое безвозвратно? После знакомства с четвёркой Пашка надеялся – хотел надеяться и боялся ошибиться – да, канула. Четыре новых друга, это ж роскошь! Такого у него никогда не было. Какая может быть теперь пустота, если Тёма-Тоха-Борька-Тим рядом?! Смешно!

Смешно-то смешно, только... Когда он сидел на чердаке с пацанами, или гонял по посёлку, или стоял в храме с тёмо-тимами, это действительно казалось нереальным, навсегда ушедшим в прошлое. Но дома, на ночь глядя, иногда подступал старый гость – страх. Вот проснётся Пашка утром, а на свете – ни одной родной души. Кроме мамы, конечно. Одиночество – на дворе и в школе, пустота – в храме. И в тебе самом. Бр-р-р... Он торопился поскорей вытряхнуть из головы эти дурацкие мысли. «Бесовские страхования», как назвал такое безобразие отец Симеон на последней старопосадской исповеди – Пашка пытался тогда описать батюшке состояние своей смятенной души.

Хорош, проехали! Долой страхи и страхования: даже мама признаёт – а от неё слышать подобные речи ох как непривычно! – «жизнь повернула на благое». Конечно, впереди маячила школа, но – до неё ещё далеко, а главное – даже если будет она не лучше старопосадской, пацанов-то у него никто не отнимет! И если найдутся в новой семилетке своя вредная Глафира и свой противный Борисыч, долбить Пашку по макушке они смогут только в учебное время. А вне школы – он сам себе хозяин. И братва рядом. Пускай бесы кого другого пугают.

...Случилась у Пашки после переезда в столицу ещё одна хорошая новость, помимо присоединения к чердачной компании. Он вернулся к церковному служению. Которое, конечно, оказалось связано с Тимом и его товарищами.

«Служил» Пашка давно, с шести лет.

В то далёкое время, с маминой подачи, его определили в свещеносцы. В торжественные моменты литургии и всеношной, перед Евангелием или причащением, Пашка выносил тяжёлую свечу на амвон маленькой Преображенской церкви под одобрительный шёпот рязано-посадских старушек. Пашка медленно тащил подсвечник через диаконскую дверь, то и дело поглядывая на слабый язычок пламени, трепыхавшийся над головой, – не погас? Стихарь путался в ногах, гудели руки, тяжёлый груз норовил кивнуть вниз, но – оставалось совсем чуть-чуть, ещё несколько шагов по солее: вот и амвон. Пашка водружал свечу посередине и отходил в сторону. «Мир всем», – тянулся слабый возглас отца Симеона из алтаря. Поблёскивал оклад Евангелия, струился под купол кадилый дым. Пашка замирал. «Во время оно...» – медленно произносил священник слова воскресного зачала. Маленький свещеносец стоял позади местной иконы Преображения – апостолы на ней упали на камни и не смели смотреть на верх горы, лежали в страхе, не шевелясь... Пашка тоже не шевелился. Рыбаки на берегу Галилейского моря, милосердный Самарянин, раскаявшийся Закхей, Марфа и Мария – все они проходили перед Пашкиными глазами... Голос настоятеля достигал высшей точки, хор пел заключитель-

ное «Слава Тебе, Господи, слава Тебе», Пашка возвращался в мир сей – пора было уносить свечу обратно в алтарь.

Наступило отрочество, и участие в храмовом служении потеряло столь блестящие черты. Впрочем, дело было не в отрочестве. «Полномочный приходил, нету теперь горюшке ходу в алтарь», – сказала тогда мама, и Пашка вместо свечек и стихаря получил другое послушание – поломойную уборку после субботней службы, вместе с мамой. Когда никого уже не остаётся в полутёмном храме, никаких залётных «полномочных» и «стукачей». Года три – а не больше ли? – Пашка тёр полы под маминым руководством. «Трём-потрём – душе спасенье, работкой душу пообчистишь... на церкву трудишься», – успокаивала «горюшку» Нина Петровна, когда Пашка хныкал (случалось такое в старое время), выжимая тряпку над огромным ведром. Но поломойки ему было всё же маловато.

В прошлом Рождественском посту, после очередного мытья пола, Пашка направился на клирос, где старенькая псаломщица Пелагея Михална ворочала огромные книги в потёртых кожаных переплётках – старинные тома с причудливыми виньетками и бледной вязью славянских букв. Приблизившись к бабушке Пелагее, он несмело прикоснулся ладонью к переплёту Минеи и спросил:

- А можно?
- Что – можно?
- Книгу. Посмотреть... – добавил он шёпотом.
- Смотри.

Пашка водил пальцем по жёлтой бумаге с полустёртыми буквами:

– «Е-же от ве-ка у-та-ен-но-е и а-нге-лом не-све-до-мо-е та-и-нство...» – Ура, медленно, но получалось! Часть слов была скрыта титлами – но Пашка на ходу сообразил, что это просто сокращения знакомых, не раз слышанных на службе, слов.

Пелагея Михална пододвинула книгу поближе и зажгла ещё одну свечу. Строгие глаза её за толстыми стёклами очков, казалось, стали мягче. Когда Пашка завяз в слове «блаженнолиственный», бабушка Пелагея проговорила мудрёное прилагательное по слогам и кивком пригласила сделать это Пашку. С трудом прочитав какие-то «ипакои» и «степенны», он добрался до воскресного канона.

– Одоле! – оценила строгая учительница первый Пашкин успех. – Чаще читай, сам службу будешь править.

Чаще смотреть в кожаные книги в Рязани не пришлось. Через несколько дней последовал вызов мамы в милицию и серьёзный разговор «по душам». Путь Пашке – не только на клирос, но и к любой работе по храму, пускай самой чёрной, – оказался строго-настрога заказан. Ему было грустно, хотя и не так, как Нине Петровне – та переживала конец Пашкиной службы тяжело. Он понимал почему – но здесь у них с мамой имелись кое-какие разногласия...

Теперь всё это – уже в прошлом.

Переезд в столицу открыл Пашке новые пути-дороги в церковном служении. В храме «у Академии» он наряду с прочей братвой мог загрузиться самой разной – даже «чистой» (не тряпки-ведра!) – певческо-читальной работой: и канонами, и часами, и многим другим. Читай, пой – на здоровье. Если есть охота.

У Пашки охота была.

Но одного желанья, конечно, мало. Славянский язык – это не фунт изюма. Язык-то вроде родной, да только мало что у тебя выйдет, если прямо на службе попытаться из бледных «ятей», «ижиц» и прочих предтеч современных русских букв слепить самое настоящее богослужбное слово. А если оно длинное? А если с титлом?

В общем, Пашка нуждался в тренировках. А они – «Академия» не переставала удивлять! – оказывается, давно проводились для подрастающих отроков. Примерно раз в неделю отец Иоанн устраивал нелегальные занятия, или, как говорил священник, «курс молодого бур-

сака». Первый урок батюшка провёл дня через два после присоединения Пашки к чердачной четвёрке.

... В полутьме старой ризницы, теперь опустевшей от некогда богатого хозяйства: шитых бисером и серебряной нитью облачений, икон и окладов, запасных подсвечников – Тим сказал, всё было реквизировано при первом закрытии, – зажгли две свечи. Ребята придвинулись ближе к огням. На старый высокий табурет положили несколько принесённых с клироса книг в потёртом кожаном переплёте: Часослов, Октоих, Псалтирь, Минею.

Сначала текст разбирал священник. Голос отца Иоанна старательно выписывал славянские кружева:

– «Исчезоша яко дым дние мои, и кости моя яко сушило сосхошася...» Друзья, что за «сушило»? – Священник поднял глаза над книгой.

– Хворост это, батюшка, – ответил Тёма.

– Правильно. А почему кости – как «сушило сосхошася»?

– Ну... Кости стали сухими, тонкими – как хворост.

– Верно. Этими словами автор говорит об истощении – может быть, не только своего тела, но и души... Дальше: «Уязвен бых яко трава, и исше сердце мое, яко забых снести хлеб мой». Если в переводе, то: «Я был подсечён, как трава, и иссохло сердце моё, так что забыл я съесть мой хлеб». Возьмём самое начало предложения: всего три слова – «подсечён, как трава», а сказано о многом: до сего момента – судя по всему, неприятного и даже страшного – жизнь псалмопевца была вольной, спокойной – как у травы в поле; теперь течение жизни прервано; и наконец произошло это насильственным путём, причём неожиданно для автора... Всё понятно в этом стихе? – Кивки.

Пашке сразу же стало ясно, что четвёрка освоила церковнославянский язык на приличном уровне – значительно более высоком, чем уровень его собственных познаний. Пожалуй, подготовиться к очередному уроку будет не так-то просто, если хочешь понимать, о чём идёт речь. Требовалось срочно догонять ребят. На самом уроке Пашка постарался больше запомнить на ходу, а дома решил не шутя разобраться со всеми этими «иже», «еже» и «не суть». Что ни говори, но и в приличном коллективе обидно болтаться в хвосте.

Наутро последовала практика – Пашка пономарил вместе с остальной четвёркой на будничной службе в «академическом» храме. Хотя, если говорить точно, один из пятерых – дозорный – напрямую в службе не участвовал, а выполнял другую работу – курсировал по окрестным переулкам. Обязанностью дозорного было выяснить, нет ли на подходе непрошенных гостей. Если всё спокойно, то – добро: братии можно стоять в алтаре и помогать священнику – читать записки, следить за кадилом и т. п. Если же к храму движется подозрительный человек – тревога: пятёрке необходимо срочно покинуть алтарь. На этот раз в дозоре работали двое – сначала Тёма, затем Тим. Тревоги не случилось, утренняя литургия прошла без происшествий.

Пашка прочитал свои синодики и дважды выносил аналой: сначала на паремиях, затем на Евангелии. Тим басил на клиросе, периодически возвращаясь в алтарь. Борька читал. Тоха следил за свечами.

В течение службы ребята молчали – храм есть храм, разговоры – только по делу. Тем не менее Пашка именно здесь, на первом своём будничном богослужении, узнал довольно много про каждого нового товарища, хотя знания эти он получил практически без слов.

Антоха был созерцатель. Стоя в алтаре с кипой записок или в храме около подсвечника, он мог улететь мыслями – наверное, куда-то очень далеко: Тохины бездонные синие глаза взирали на кадильный дым или строгие фигуры в иконостасе, в то время как старший брат тербил его за рукав и возмущённо шептал: «Все записки прочитал?» – либо собирал под ноль сгоревшие огарки с Антошкиного подсвечника. Где бродили Тохины мысли? В конце часов отец Иоанн остановил Тима, совсем задёргавшего брата дисциплинарными замечаниями: «Да, скорее всего, Антоша ворон считает. Но, может, мы не правы – вдруг из него отшельник-пре-

подобный выйдет? Пока есть возможность, пусть в храме перед Богом предстоит – без суеты, в тишине. Как умеет...» Тим пробурчал что-то про себя и отобрал у голубоглазого «отшельника» непрочитанную кипу записок: живые-мёртвые поминания ждут, а не хлопанья ушами.

Сам Тимофей, внешне почти копия Антона (только на голову выше), мечтать, по-видимому, не любил – по крайней мере, в церкви. Во время службы Тим успел сделать десяток дел. Раскидать всем записки поровну, раздуть огонь для кадила, подсунуть крупинку драгоценного ладана (шепнув Пашке на лету: «Бывшие купцы поставляют – из старых запасов»), вынести аналой, прочитав «блаженны» и опять заняться алтарём, не забыть про дозор, – всё выполнено вовремя и без суеты. В этом действительно был Тим: собранный, целеустремлённый. И – горячий, хотя Тимов огонь тлел под бесстрастной и внешне суровой оболочкой.

Кстати, насчёт огня: у Тимофея, пожалуй, имелся двойник – Артём. Немногословный, но очень быстрый человек. Тёмка, наверное, не мог похвастаться таким же, как у Тима, знанием службы или алтарных премудростей. Пожалуй, он больше тяготел к простым физическим упражнениям. Например, выбить алтарные половики – разве сложное занятие? Ага, совсем нет. Но когда после литургии Тёма на заднем дворе лупил по этим самым коврикам палкой, Пашке казалось – это не хуже, чем мушкетёрское фехтование из старого немого фильма, случайно завезённого в Рязань и оставившего в Пашкиной памяти неизгладимый след. Действительно, Тёмка рисовал в воздухе своей «шпагой» не хуже тех чудных французов.

Ну, а про Борьку что говорить... профессор! Он и в храме казался профессором, даром что ростом ненамного выше подсвечника. Сегодня Борис читал шестой час, а затем Апостол. Здорово – хоть и тихо, но – очень здорово. (Даже академические корифеи-старика, как не раз слышал потом Пашка, не могли не признать этот факт. Правда, подобно настоящим профессорам, Борька с завидным постоянством умудрялся что-то напутать. Но все в храме, похоже, к этому привыкли, а отец Иоанн просто «не замечал».)

2.

Служба отошла, понеслись другие дела. Лапта, футбол, городки, казаки-разбойники, прятки, стрельба, «корова», бабки, обручи... В Рязани тоже всё это было. Но в последние полгода – без друзей. А значит, считай, что и не было.

Начали с малознакомой для Пашки «индейской войны».

В первом бою они с Тимом были «стрелками», Тёма-Тоха-Боря – «бегунами» (с одним маленьким луком на троих – пацаны называли его «открывашкой»).

– Свеча! – крикнул Тимофей, показывая на стрелу-иглочку с чёрным оперением, вертикально взмывшую где-то за храмом.

Ага, ясно: этой свечкой противники-«бегуны» открыли новую мишень – теперь Пашке с Тимом нужно лететь к ней на всех парах, чтобы успеть настрелять на тамошнем рубеже как можно больше очков.

– Тим, это вторая, у Аристарха?!

– Не, третья!! За Васильичем! – Тим пробежал переулок, толкнул доску в заборе, на вид вполне прилично прибитую, – доска отодвинулась, открывая заросли чертополоха.

Пашка нырнул в прореху вслед за Тимофеем. Ещё забор – здесь просто дыра, следующий – тут пришлось перемахнуть, и Пашка пропорол штанину.

Ура! Огневой рубеж. Стрелы лежат в кустах, наготове. Долбим по мишени!

Пятёрка – Тим, четвёрка – Пашка. Девятка – Тим, «яблочко» – Пашка! Сколько у них ещё – секунды три, не больше?! На один выстрел хватит! Восьмёрка у Пашки, у Тима – девять!

В это время справа от мишени зашевелился куст смородины, из него выпорхнула в небо новая свеча-стрелка с красным оперением. Рубеж закрыт!

Теперь – внимание! «Бегуны» сейчас полетели открывать другую мишень – передавая лук-«открывашку» друг другу, чтобы сбить «стрелков» со следа. Пашка с Тимом не должны покидать стрельбище в течение десяти секунд, они могут только следить, сидя верхом на заборе, – куда движутся макушки «врагов». А они, понятное дело, растекаются в разные концы посёлка – поди догадайся, у кого из них «открывашка» и какая мишень будет следующей!

– Девять, восемь... – принялся считать Тимофей. За смородиной мелькнула тень, закачался забор. – Небось, на северный конец побежал – Тёмка, кудри его! – семь, шесть – ну, либо за храм, на этот край... ты Борису не видел?

– Нет.

– Пять, четыре, три... Чует моё сердце, Тёмыч «открывашку» Борьке передал. Два, один. Погнались!..

Но Тим не угадал. Тёма передал лук, только не Борису, а Тохе. Антон отсиделся в кустах и открыл соседнюю мишень, на участке старосты Григория Васильевича, в то время как Пашка с Тимом почём зря гоняли Борьку и Тёму по дальним концам посёлка.

Третью мишень вычислили верно и настучали пятьдесят очков на двоих.

...После шестого или седьмого забега Тим свистнул: хорош!

Пятёрка стянулась к перекрёстку Цветочного и Садовой. Вразвалочку зашагали к длинному дому, за припасённой буханкой. Впятером на чердак не полезли: там сейчас жароша! Тим сгонял наверх за хлебом («Жуть, пекло!»), заодно захватил старый котелок. Тёмка принёс в нём воды с колонки. Посидели в тени забора, пожевали. Знойный воздух стоял неподвижно, за заборами – тишина. Окрестные переулки и дворы будто вымерли – ни звука, ни голоса. Ещё повалялись в траве, доели хлебушек.

Пашка вытер пот, катившийся со лба. Ух! Каждый участок, не говоря об улицах и переулках, сегодня пройден раза по три как минимум. И, несмотря на чехарду впечатлений – надо ведь о войне думать, а не глазеть по сторонам, когда ноги бегут по боевым тропам, – посёлок в целом уже неплохо уложился в Пашкиной голове. Конечно, до старожилов вроде Тима далеко, но после войны он больше не путался между похожими друг на друга задворками высоких дач вроде Аристарховой, а крепкие избушки с Садовой обрели свои собственные лица – Пашка теперь узнавал их с одного быстрого взгляда. Хуже обстояло дело с заборами – все на одно лицо! – но это, конечно, дело наживное; а несколько укромных лазов и неплохих засад он успел запомнить.

Все «готовы»?! Все, даже Тёмка.

Двинули на Крайний пруд, купаться.

Здорово было пикировать со Старых мостков – длинных полусгнивших досок, положенных на древние листовничные сваи, – в тёмную прохладную глубину, казалось, лишённую дна, и тихо скользить под зеркальной поверхностью, слыша сквозь толщу воды далёкий гвалт малышни и всплески других ныряльщиков. После третьего прыжка Тим с Пашкой и Борей поплыли к ближайшему острову, где росли тёмные мохнатые ели и свисали над лагунами купы старых плакучих ив. Выбравшись на сушу, уселись на старые коряги и молча созерцали оживлённый берег напротив. Сидеть пришлось недолго: из чащи вылетели стайки комаров, наполнив воздух кроважидным звоном. Пробовали отмахиваться прутиками тальника или пучками травы. Сначала это помогало – но вскоре из-под тёмных еловых лап на берег начали прибывать новые эскадроны комариного войска, чтобы атаковать покрытые гусиной кожей тела. Пашка с товарищами вскочили и побежали к длинному мостику, выдающемуся метра на два от берега. Разбежавшись по скользкой доске, один за другим вновь оказались в воде – и косою цепочкой: Тимофей, Пашка, Борис – поплыли к парковому причалу, около которого на мелководье Тёма с Антохой гонялись за мальками. Потом вся компания сохла на досках, болтая о том о сём, пока солнце окончательно не разморило нагретые головы. Нехотя поднявшись с мостков, побрели в посёлок, к длинному дому.

Чердак встретил жарой и духотой. Тим распахнул три окна со стороны пруда – здесь опасаться было некого, Борис осторожно приоткрыл одну створку с улицы. Сквозняк вынес пыль и немного приглушил жар.

Все разлеглись на полу в теньке.

– Завтра куда? – нарушил тишину Тёмка. – Я за войну.

– И я, – отозвался Тим.

– И я, – поддакнул Антон.

– Я тоже, – кивнул Борис.

– И я, – подвёл итог опросу Пашка.

– В футбол давно не играли. – Тёма приподнялся на локте и посмотрел в угол – там валялся сдутый мяч. – Дубровские звали. Мне Руся сказал.

– Звали... – покосился Тим. – Им бы только махать, а не мячик пинать.

– На той неделе поляки придут, – будто не слыша, продолжал Артём. – Десять на десять, если мы в деле.

Тим вздохнул:

– Придётся топать.

– Не хочешь, что ль?

– Да не, порядок.

Борис встал и отправился к высокому табурету у окна.

– Пацаны, «Бульбу» или «Робин Гуда»?

Пашке было всё равно. Вернее сказать, всё равно хорошо – что бы ни слушать, когда ты лежишь на прогретых досках старого чердака, вокруг – братва, а за окном – летнее небо. Народ высказался за «Бульбу». Борька начал откуда-то с середины. Пашка вскоре провалился в сон, и всё смешалось – Тарас ехал на войну по пыльной дороге, Тоха летел на самолёте-истребителе, рядом гудел бомбардировщик ТБ-3, а сам Пашка парил чуть ниже Тохи и «тэбэшки» – неизвестно на чём, может, на планере.

3.

Этой ночью посёлок заволокло тучами, утро встретило Пашку серостью и косыми струями за окном. Одно хорошо – поливать огород не надо! Мама ушла спозаранку на работу, тётя Таня тоже. Скучновато одному в пустом доме. Пашка выудил с маминой полки старую Псалтирь.

Что они там разбирали в прошлый раз?

Пашка полчаса сидел, закусив нижнюю губу, над книгой. 101-й псалом готов. 102-й – легкота! 103-й – тоже легкота, хотя отец Иоанн сказал, что для него и полгода занятий мало. Может, и мало, ему виднее... хотя сызмальства слышано всё по тыщу раз: «на горях станут воды» да «посреде гор пройдут воды»... сплошные воды, а в конце «змий, егоже создал еси ругатися ему». А и правда, непонятно, зачем «ругатися», надо спросить.

Пашка прожевал гречку, не подогревая – какая разница, всё равно в животе остынет! – и подался на крыльцо. Дождик сеял мелко и нудно, небо обложило со всех сторон. За воротами проехал грузовик, обдав брызгами забор.

Пашка накрылся куском старой мешковины, выбежал за калитку и поскакал к длинному дому. На место он прибыл одновременно с Борькой. Тот двигался с другой стороны, с остановки трамвая, и нёс увесистый свёрток в клеёночной сумке.

– Здоров, Борь!

– Привет!

Обычные меры предосторожности: обозреть улицу, не шуметь железом, закрыть ставню.

В длинном доме сегодня было сумрачно и сыро. Немудрено! Со всяких дыр налилось порядком, даже в коридор откуда-то просочилась струйка. Поднялись на второй этаж. Здесь суше и тише.

– Борь!

– А...

– Это чей дом был?

– Князя. Нащокина.

– Да ну! Князя?! А где он сейчас?

– Говорят, в Париже. Ночным таксистом работает.

Пашка присвистнул: поди ж ты!

– А может, и врут всё.

Проделав фокус с лестницей, забрались на чердак. Пока никого. Ан нет – кто-то топает! Через пару минут возникли Кондратьичи – Тоха и Тим, спустя четверть часа – Тёма.

Борька распаковал свой груз.

– Про индейцев? – спросил Тоха.

Борькин кивок: нет.

– «Вокруг света»?

Тёма: нет.

– Про челюскинцев? – Пашка.

– Горячо.

– Новые самолёты? – Тим.

– Ещё горячее.

Куда уж горячее?

Тимофей хмыкнул:

– Сдаюсь.

Борис развернул лист, сложенный вчетверо.

– Пацаны, только не болтать. Государственная тайна.

Никто не улыбнулся: Борька такими делами не шутит.

– Вот. – Борис расправил чертёж и пододвинул к свету. – Здесь самое главное – «механизм перекоса».

Все молча уставились на картинку. В середине – толстый штырь, на котором навёрчена куча деталей: какие-то круги, шайбы, палки, кривые муфты. Сверху штыря три огрызка – крыльев или лопастей, судя по сечению.

– Борька, не томи, – наконец изрёк Тимофей. – Хоть убей, не пойму, что за штуковина.

– Папа переходит в новый отдел ЦАГИ. Его создали для разработки – помните, до Пашки ещё говорили? – аппаратов с горизонтальным винтом.

– Хеликоптеров? – подсказал Тёма.

– Ага.

– Сергей Александрович ведь «тэбэшками» занимался? – спросил Тим.

Борис кивнул:

– Да, тяжёлыми. Разными. В том числе «Максимом Горьким». Кстати... ну ладно, про это потом. А вот сейчас перебрасывают на вертолеты. Папа сказал, поставили срочную задачу: вырваться на этом направлении вперёд, догнать и опередить иностранцев. Нужно усилить конструкторскую группу. Он говорит – обидно, что приходится догонять. Ведь самый важный механизм вертолета изобрёл русский инженер – Борис Николаевич Юрьев. Ещё в тысяча девятьсот одиннадцатом году.

– Вот эту раскоряку? – Антон ткнул пальцем в чертёж.

– Да.

Пашка обошёл рисунок по кругу. Может, так станет понятнее? Нет, груда железяк, и всё.

– Давай, Борь, толкуй... – Пашка показал на огрызки. – Это что, лопасти?

– Лопасти. Вот смотрите... Пускай, построили мы фюзеляж – раз! Поместили внутрь мотор – два! Присоединили к нему большой горизонтальный винт – три! Если винт будет быстро вращаться, а лопасти установим под углом, как крылья самолета, на аппарат станет действовать подъемная сила. То есть вертолет – что?

– Поднимется, – сказал Тим.

– Да! Тогда чего не хватает?

– А чего ещё? Главное, подняться, а дальше – лети! – пожал плечами Тёмка.

– Куда лети-то? В этом всё дело. Нужно, чтобы аппарат был... – Борька стал загибать пальцы, – а) управляемым, б) устойчивым – чтобы его не мотало из стороны в сторону. Для устойчивости можно сделать дополнительный винт, в вертикальной плоскости – вот так.

Борис схематично начертил на тетрадном листе фюзеляж с крылышками, большой винт сверху и на хвосте – маленький дополнительный винт.

– Но для управляемого движения на хорошей скорости надо заставить работать основной винт. Вот для этого и нужен «механизм перекоса».

Боря отложил свой рисунок в сторону и вернулся к первому чертежу.

– При чём тут «перекос»? – спросил Пашка.

Борис кивнул: сейчас будет ясно.

– От чего зависит величина подъемной силы?

– От мотора, – ответил Тёма.

– Ещё?

Все пожали плечами.

– От угла наклона крыла. Если одна лопасть винта повернута на один угол, а вторая – на другой, каждая лопасть будет тянуть аппарат с разной силой. Смотрите... – Боря отметил одну из точек на окружности, описанной вокруг вала основного винта. – В этой точке (назовём её М) сейчас – лопасть А, с самым маленьким углом установки. Действует небольшая подъемная сила. Теперь до точки М дошла лопасть Б, с большим углом. Подъемная сила в точке М увеличилась. А теперь сюда приехала лопасть В, с самым большим углом. Подъемная сила стала максимальной.

«Ну и что?» – Пашка по-прежнему не понимал.

– Борь, так это ведь в твоей точке М она стала самой большой. А тут, – он показал место на окружности, куда уехала лопасть А, – сила стала, наоборот, маленькой. Получается, что лопасть В в любой точке круга тянет вверх сильнее, лопасть А – слабее, и винт...

– Болтает! – заключил Борис.

– Ну, и что? – Пашка по-прежнему не понимал.

– Представь, что здесь, – Боря показал на точку М, – мы поворачиваем каждую(!) лопасть на максимальный угол. А здесь, – он ткнул в противоположную часть окружности, – наоборот, угол делаем наименьшим. Тогда...

– ...тогда тот край, где точка М, всё время поднимается быстрее, – сообразил Тим. – Противоположный край, наоборот, отстаёт. Значит, вся машина кренится и...

– ...летит в горизонтальном направлении, – закончил Боря. – Нужно в правильном месте загибать углы лопастей, и вертолет полетит куда нужно. Этим «загибанием» управляет он – механизм перекоса. – Борис вновь показал на раскоряку с принесённого чертежа.

Ух ты... Ух ты!!! Пашка ещё не совсем понял все подробности – но идею схватил, почувал, как это здорово. Хотя, наверное, жуть как сложно.

– Быстро крутится-то. Попробуй углы менять на ходу. Да чтобы в лад, да на правильный угол.

– Да. – Борис кивнул. – На самом деле очень сложно. Сейчас папа работает над новым вариантом «перекоса», а вскоре они присоединят мощный мотор. И будут обкатывать другой фюзеляж.

Все обступили Борьку и наперебой тыкали пальцами в разные части листа с «перекосом».

«А эти штыри зачем? Тут подшипник, что ль? Кольцо-то не съедет на ходу, а?!» Борис терпеливо разъяснял, для чего служит каждая деталь механизма. Вскоре стало понятно, как он работает, даже в подробностях.

– Чего сложного-то? – фыркнул Тёмка. – Айда сварганим из лома? Кой-чего у Васильича подправим аль у батюшки!

Борис замотал головой:

– Ребят, даже не пытайтесь. Нужен особый металл – раз! Точность формы – два, только заводская расточка годится... Ну, и даже если мы его соберём, дальше что?

– Мотора нет, – сказал Пашка.

– Мотора нет, – подтвердил Борис. – А если б и был. До революции Юрьев не сделал настоящий helicopter из-за слабости тогдашних моторов. Нужен новый двигатель – мощный, но не тяжёлый. Тогда машина сможет летать как следует.

– И во дворе сядет? – кивнул Тоха на заросший участок.

– Запросто.

Ух ты...

Разобрали пожелтевшие газеты и на полях принялись рисовать helicopterы. Пашка тоже взял огрызок карандаша. Как будет летать этакое чудо? Если винт перекошен, то... получается, задравши хвост?! Видать, так. Он старательно вырисовывал веретенообразную, как подлодка Жюль Верна, кабину, режущую воздух над пиками ёлок: большой винт направлен под углом к земле, сзади жужжит второй винт, а за стёклами сидит лётчик и смотрит – вперёд и вниз. А что, даже удобно! Впереди высматривает дорогу и замечает препятствия, а на земле – ведёт разведку. А если пулемёт поставить или бомбы прикрутить?! Тогда винтокрылая машина завоюет не хуже ТБ-3, а то и получше! Борька ведь сказал, что helicopter запросто сможет зависать в воздухе, при необходимости – двигаться очень медленно, а значит, точно-точно заходить на цель. Туго придётся врагам от этого винтолёта!

Тим тоже рисовал helicopter, только не с цельным фюзеляжем, а такой, как Борька показал на фотографии с лётчиком Черёмухиным. У Тимофея вышел длинный остроносый аппарат с частоколом планок и четырьмя винтами: Тим разместил на конструкции не один дополнительный винт, а целых три, «для надёжности» – Борька сказал, что иногда так тоже делают.

Тёмка и Тоха, видать, не особенно стремились вычерчивать все эти инженерные подробности. Они устроили воздушный бой, набросав по десять точек-вертолётов на карте Абиссинии, помещённой на третьей странице «Известий» ВЦИК, и на ходу придумав правила – кому как ходить, если бросать старый игральный кубик с потёртыми цифрами-точками.

Борька же забрался на подоконник и долго смотрел в сторону заката. Чего он там углядел, интересно? Пашка, занятый своим винтолётom, отметил про себя мимоходом: сегодня Борис не такой, как обычно. Да, да, другой! Пашка заштриховал корпус, подчеркнул винты. И вновь посмотрел на Борьку. Как есть в воду опущенный! А четверть часа назад разгорячился с этим перекосом – будто и не Борька, так разошёлся! Непорядок с ним сегодня. Перекос!

Доделав рисунок, Пашка подошёл к Борису и негромко спросил:

– Что-то случилось, Борь? Худое?

Борис отвёл глаза от окна. Нет, в них не было тревоги или страха.

– Наоборот, Паш. Слушай, дай я всем скажу, а то вроде скрываю... Ребят! – позвал он громко.

Все подняли головы от рисунков.

– Тим вот говорил, что мой папа занимался тяжёлыми самолётами. И в разработке «Максима Горького» участвовал.

Тимофей кивнул. Вроде пока Боря ничего нового не сообщил.

– Ну и что?

– Завтра – демонстрационный полёт «Максима». На Центральном аэродроме.

– Айда смотреть с нашей горки?!

– Ур-р-ра! – заверещал Антон.

– Ура, – упавшим голосом подтвердил Боря. Да что с ним сегодня?!

– Эх, пацаны... – протянул Тёма. – Слетать бы!

– Я... полечу, – тяжело вздохнул Борис. И опустил голову.

Все разом загалдели:

– Борька, врешь! Ты – полетишь? Во загнул!!

– На нём же делегации летают, корреспонденты там иностранные, писатели всякие. – Тим почесал за ухом.

Кажется, Борька ещё не был замечен в такой махровой «заливке».

– Ага. Делегации. Ты знаешь, кто завтра на борту?

– Кто?

– Тоже какие-то корреспонденты. А с ними – семьи конструкторов и сотрудников ЦАГИ! Тех, кто проектировал этот самолёт.

– Ух ты... И Сергей Александрович, да?

– Папа – нет, он в командировке, а мы с мамой...

– Ур-р-ра! – снова закричал Антон. – Борька летит!

– Ур-р-ра! – поддержал Тёмка.

– Ур-р-ра! – вновь крикнул Тоха. И вдруг вздохнул: – Эх, нас бы взяли!

Боря виновато развёл руками: я бы рад!..

– Борька! – Пашка тряс Бориса за плечи. – На «Максиме» полетишь! Ур-р-ра! Борька – на «Максиме»!!

Тим усмехнулся, не без хитрецы:

– На нас посматривай с верхотуры, в люминаторы! А мы те с горки помашем!

Борька заулыбался: хмурость наконец слетела с его лица.

Договорились встретиться спозаранку, в «длинном». Без Бориса, естественно.

Пашке нужно было застать маму, чтобы предупредить о завтрашнем походе к Центральному (просто не верилось, что это совсем рядом!).

Заспешил и Борис: ему-то ещё раньше, небось, вставать... Остальная компания тоже засобиралась, но более вяло. В общем, Пашка с Борей покинули чердак первыми.

– Ты чего был такой? – спросил Пашка друга, когда, в полном молчании, дошли до тёти-Таниного переулка.

– Какой?

– Смурной. (Он чуть не брякнул: «Боишься лететь, что ль?» – да, спасибо, вовремя прикусил язык.)

– Всё просто. Я лечу, а вы – нет.

Чудак Борис! Пашка не выдержал, засмеялся. И ещё раз хлопнул Борьку по плечу.

Кажется, он понял, почему так хитро улыбался Тим, поглядывая на смущённого Бориса Сергеича. Точно мама говорит: «Ин-тел-ли-ген-ци-я! Тонкие чувства – нам не по зубам!»

Но вообще-то он эти чувства понял. Пашка ткнул кулаком в Борькин кулак и зашагал-запрыгал к тёти-Таниному дому.

Полёт «Горького»

1.

На следующее утро собрались совсем рано. Пашка прибежал первым, за ним – Тим и Тоха. Последним прибыл Тёмка.

Хотя, как выяснилось, не последним. Когда они спустились на первый этаж, в конце коридора раздались лёгкие шаги. Полундра?! Кто-то выследил их убежище?

Нет, шаги оказались знакомыми. Борька! Но что он тут делает, его место сейчас – на аэродроме?!

Борис был мрачнее тучи.

– Вдогонку двух фотографов прислали – полёт снимать, – хмуро сказал он. – И оператора с кинокамерой. А нас с мамой вычеркнули из списка. Тем более что папы нет.

– Беда, – сжал губы Тим.

Боря пожал плечами. Да, что тут скажешь...

– Может, возьмут ещё когда.

– Может...

Жалко Борьку, но делать нечего. Тогда всей пятёркой – к Центральному!

Тим закрыл входное окно, они скатились вниз и побежали к аэродрому.

...Метрах в ста, почти у самого основания небольшого холма, на котором пятёрка устроила свой наблюдательный пункт, начиналась проволочная ограда аэродрома. Этот ближний конец лётного поля был малоинтересен: длинные бараки, пожарный сарай, три фургона – вот и всё, что размещалось за забором. Даже земля здесь была неровная, изрытая следами автомобилей, и явно не годилась на роль хорошей ВПП – взлётно-посадочной полосы. Но с ближней части аэродрома никто и не взлетал. События должны были разворачиваться у дальнего края.

Там, в нерасеявшемся ещё тумане, на фоне синеющих строений инженерных служб, медленно двигался тёмный силуэт самого большого в мире агитационного аэроплана. Прямой резко очерченный фюзеляж, холмики моторов над крыльями, угловатый стабилизатор – всё это Пашка хорошо разглядел даже с такого расстояния. Правда, если бы не выстроившиеся в шеренгу истребители, мимо которых сейчас плавно катился «Максим Горький», было бы трудно оценить колоссальные размеры летательного аппарата.

– Выруливает! Ур-ра-а-а! – Тоха взобрался на небольшую берёзку, росшую у самого обрыва, и указывал рукой вперёд.

– Не свались! – Тим подошёл к деревцу. – А то вместо «Максима Горького» сам слетаешь. Только не вверх, а вниз.

Пашка, Тёма и Боря вскочили с земли.

Боря достал из-за пазухи газету, аккуратно сложенную вчетверо.

– Почитаю про «Горького», пока не взлетел.

– У тебя и тут книжка! – засмеялся Тёма.

– Ладно ржать-то, – не совсем интеллигентно отозвался Борис. – Слушайте. «Небывалый по величине в мире, почти в два раза больше самых больших сухопутных аэропланов, гигантский агитсамолёт “Максим Горький” построен всей Страной советов на общественные средства. Трудящиеся собирали рубли, рубли отвердевали сталью и алюминием».

– Это как? – отозвался с дерева Антошка. – Что там о-тве-рде-ва-ло?

– Чепуха, – буркнул Тим. – Ты слушай, дальше интереснее будет.

– «Теперь он, как и живой Максим Горький, будет бороться за пролетарскую социалистическую культуру...»

– Борь, ну пропусти ты всякую муру... – Тим нетерпеливо махнул рукой.

Боря кивнул.

– «Повинуясь воле лётчика, воздушный корабль будет летать над огромной Страной советов и разбрасывать с борта видимые и невидимые зёрна этой культуры – листовки, музыкальные звуки, смелые большевистские мысли...» Мм... это опять не по делу. Вот: «Ну и до чего же он громадный, если подойти к нему близко! Крылья, в которых размещены каюты, бензиновые баки, разные служебные помещения, – эти крылья широки, как улица. По крыльям могли бы двигаться свободно в два ряда автомобили».

Ого... Пашка раньше не видел больших аэропланов. Подумать – такая громадина... И это – полетит?!

– «А колёса... Они высотой в два метра. Резиновая покрышка их, туго накаченная, шириной почти в метр. Между колёсами можно поставить вместе с крыльями самолёт АНТ-1».

В это время аэроплан сделал широкий разворот у края поля и плавно затормозил у начала полосы, дрожащие кружки винтов стали чётко видны на фоне тёмного металла крыльев.

Тем временем солнце согнало с лётного поля остатки тумана. Неподалёку от «Максима Горького» стала видна группа людей и автомобилей.

Прошло три минуты.

Гул стал сильнее. Агитсамолёт дрогнул и покатился по полосе – сначала медленно, затем плавно ускоряя свой бег. Толпа пришла в движение, замахала руками, наперебой закричала приветствия – их было слышно даже на таком расстоянии, несмотря на шум лёгкого ветерка и гул моторов «Максима». Грянул невидимый отсюда оркестр. Самолёт одолел ещё пару сотен метров – казалось, бежит он не так уж быстро и ему нелегко будет оторвать тяжёлый корпус от земли, – но вот передние шасси поднялись над полосой, ещё небольшой пробег, и – «Горький» в воздухе!

– Ур-ра-а-а-а! – Тёма подбросил в высоту картуз.

– А-а-а-а! – на землю упала Тохина кепка. – По-мо-ги-те-е-е! – И вскоре за кепкой кубарем, ломая ветки, скатился её обладатель. Тут бы и шлёпнуться ему, во исполнение братнина

пророчества, но в последний момент ловкий, как обезьяна, Антон уцепился за нижний сук и повис, раскачиваясь в метре от земли, испуганно глаза на товарищей.

Тим подскочил к брату, схватил его под мышки, резко поставил на землю и отточенным движением шлёпнул пониже спины.

– Убьёшься когда-нибудь, дурная голова!

Но Тоха уже забыл про собственный полёт. Он вырвался из рук Тима, подбежал к краю обрыва и стал подпрыгивать на месте, взмахивая руками и крича: «О-го-го-о-о-й! Ле-ти-и-ит!!!»

– Да, летит, – грустно повторил Борис.

«Максим Горький» достиг края аэродрома и пошёл на первый круг. Аэроплан почти скрылся в мареве вдаль, одно время даже острые глаза Пашки потеряли его, но затем он вновь показался над полем. И – вот неожиданность! – справа и слева от гиганта стали чертить быстрые линии два шустрого истребителя.

– Из-за твоего полёта проглядели, как ястребки в воздух подымались! – сурово бросил брату Тим.

Но тот был на вершине блаженства. На каждом маневре истребителей он прыгал и кричал своё «ура»:

– Ерунда, Тим, самое интересное не пропустили!! О-го-го-о-й! Ура-а-а!

«Максим Горький» слегка покачал крыльями, проплывая над серединой аэродрома. Истребители перестроились – поменялись местами: один поднялся выше гиганта и сместился вправо, другой нырнул вниз и ушёл влево. Всё это происходило синхронно. Затем ястребки отошли подальше от «Максима» и стали выполнять пилотажные фигуры.

Боря, разбирающийся в их названиях, отрывисто комментировал:

– «Бочка»!.. «Пике»!.. Снова «бочка», «штопор»!

Самолётчики ныряли вниз, крутились вокруг своей оси, взлетали в синеву. А «Максим» степенно плыл, неторопливо заходя на новые круги и только иногда покачивая крыльями, как бы говоря: озорничайте, малыши... а мы товарищи серьёзные!

Но Пашка позабыл про «Горького». Его вниманием целиком завладели зигзаги истребителей. Сначала он ошалело смотрел на все эти «бочки» и виражи, которые слились в головокружительный, совершенно не поддающийся объяснению танец. Но очень скоро в танце почувствовалась невыразимая словом, но ясная и непреложная логика. Поворот, взлёт, петля, снова поворот, – и Пашка будто чувствовал на расстоянии, как упруго сопротивляется воздушная масса крыльям при каждом маневре, несёт машину по плавной кривой – и невидимая сила поддерживает её в том единственно верном положении, что даёт устойчивость воздушному судну... Вот сейчас он накренится вправо – точно! Будет нырять – есть! Ему нужно разогнаться, чтобы пойти на петлю! А если притормозить? Нет, тогда не хватит запаса движения – как дважды два!..

Наконец один из истребителей, будто утомившись, отстал и пошёл на снижение. Пашка проводил его взглядом: вот он тихо ушёл за край аэродрома, вернулся на малой высоте, порхнул над полосой, легко коснулся земной поверхности колёсами, пробежал, остановился. Маленькая фигурка лётчика соскочила на землю. «Везёт!» – пробормотал Пашка и обернулся к товарищам.

А те следили за «Максимом». Очередной пролёт над аэродромом: от днища отделяется множество чёрных точек – рассыпается, кружится, медленно растворяется в воздухе. В Борькиной газете есть и об этом: «Напечатанные листы брошюруются, укладываются в кипы, широким веером летят с борта самолёта на землю. Листовки проникают в самые отдалённые уголки Советского Союза, обогащают трудящихся знаниями, помогают проводить в жизнь волю рабочего класса, исторические указания товарища Сталина и решения партии и правительства».

– Сейчас говорить начнёт, – сказал Борис.

«Снизу крыльев “Максима Горького” видны отверстия мощных рупоров громкоговорящей установки. Из рупора понесутся на землю мощные звуки речей, музыки. С тысячеметровой высоты звуки будут отчётливо слышны на площади в десять – двенадцать квадратных километров».

И действительно, после захода на пятый круг от самолёта понеслись громкие звуки репродуктора.

Но, то ли из-за расстояния, то ли из-за несовершенства техники, понять слова, доносившиеся с неба, было невозможно. Маловразумительное бурчание с изрядной хрипотцой продолжалось минуты две, затем речь сменилась музыкой, можно было разобрать мелодию «Интернационала». «Максим» снова ушёл на разворот и почти скрылся из глаз, но над полем по-прежнему стлался ровный тяжёлый гул.

– Борь, – Пашка очнулся после долгого молчания, – про лётчиков там есть, можешь почитать?

Борис кивнул:

– «К салону примыкает пилотская кабина. В неё мы входим через двухстворчатую дверь. По бокам стоят кресла, расположенные на такой высоте, что пилоту открывается хороший обзор вперёд и в стороны. Ряд приборов – циферблатов со стрелками, рычагов, выключателей – окружает лётчика, сюда сходятся все нити управления воздушным кораблём.

Но один из самых замечательных приборов на “Максиме Горьком” – это автопилот, прибор для автоматического самолётовождения. Он облегчает работу лётчика в пути.

Представьте, “Максим Горький” оторвался от Московского аэродрома. Пилот выровнял машину и положил курс на Ленинград. Он проверил моторы, включил автопилот. Он спокоен. У него есть время заняться другими приборами. Он может поговорить по телефону, написать записку. Автопилот настолько надёжен и точен, что лётчик может даже сойти со своего места».

Гул стал сильнее, «Максим» возвращался к аэродрому. Он несколько снизил скорость, но летел чуть выше, чем на предыдущих кругах. Истребитель также притормозил и следовал за «Горьким», не выполняя маневров.

Так они достигли середины лётного поля. Здесь истребитель резко увеличил скорость и нырнул в короткое пики под брюхо тяжеловеса, пронёсся в каких-нибудь метрах от фюзеляжа «Горького» и, оказавшись впереди, резко пошёл вверх.

– Папа говорил – сегодня может быть мёртвая петля рядом с «Максимом»! – крикнул Борис.

Действительно, ястребок продолжил вертикальный взлёт – вот он уже завис над своим огромным соседом вверх тормашками. Но, забравшись ввысь, истребитель, по-видимому, потерял необходимую для петли скорость. Вместо того чтобы описать полную окружность, он неловко накренился и, едва миновав верхнюю точку траектории, беспомощно опустил правое крыло и рухнул вниз – прямо на «Максима Горького»!

Они не сразу поняли, что произошло. Только Антошка издал что-то вроде: «Ой! Куда же он?», прочие ошалело смотрели на «Максима», приоткрыв рты.

Гигантский аэроплан выдержал первый удар. Один из центральных моторов, выбитый истребителем, чёрной точкой спикировал на землю. Сам истребитель застрял в огромном крыле, бесформенной грудой возвышаясь над фюзеляжем. «Максим» стал плавно снижаться – казалось, он сможет вынести даже эту страшную механическую рану.

– Скорее, скорее садись... – шептал Пашка. – Ты сможешь дотянуть...

Но петля оказалась мёртвой. Через три секунды после столкновения хвост застрявшего истребителя окончательно отломился и ударил «Максима» снова. Этот удар пришёлся по органам управления. «Горький» медленно завалился на крыло, перевернулся и начал распадаться на части. Большая часть фюзеляжа с остатками крыльев рухнула за деревьями. Через несколько секунд воздух качнулся от взрыва.

2.

Пашка стоял в алтаре и читал записки о здравии и о упокоении. Приближалась к концу воскресная всенощная, отец Иоанн начал поминовение для завтрашней литургии.

Перед глазами проходили имена, а мысли то и дело возвращались к последнему пику «Горького». Пашка всё ещё внутренне содрогался от взрыва, продолжавшего звучать в ушах. Воображение рисовало жуткие картины: накренившийся фюзеляж, людей, привставших с кресел и не могущих оторвать взгляд от иллюминаторов, кубарем крутящегося истребителя – виновника катастрофы. И землю – огромную землю, со страшной скоростью летящую навстречу «Максиму»...

Ребята стояли здесь же, рядом, и трудились над своими порциями записок и синодиков. Пашка оторвался от чтения и взглянул на пацанов: все – бледные как смерть, даже у Тёмы-«Пушкина» цвет лица не смуглый, а сероватый. У Бориса вид совершенно опустошённый, в подрагивающих руках – список пассажиров «Горького»: он съездил за ним домой, прежде чем пойти на службу. Отец Иоанн только что вынул частицы за погибших, после чего вернул бумагу Боре:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.